

5960 Dub

НОВЪСТИ

ДЛЯ ДѢТЙ

1104

СОБРАНИ И НАПИСАНИ

А. П. ПѢДВРЖЕНЕНЬКОМЪ.

INSTITUT

BADAŃ LITERACKICH PAN

BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat

Tel. 26-68-63

ВЪ ЛЬВѢГОРОДѢ.

Черенками заведенія Ставропигіальнаго.

1859.

ИСТОРИЯ

ИТАЛИИ

НИЖНЯЯ ИЛИ ПИМОНТА

Д. И. Понтевергинская

504

Instytut Polonistyczny
KOROUTIANUM
Uniw. Warsz.

ЕГО БЛАГОРОДИЮ

ВСЕЧЕСТВѢЙШОМУ ГОСПОДИНУ

І О А Х И М У

НИКОЛАЕВИЧУ

ГЕРШОВИЧУ,

Ц. К. ЧИНОВНИКУ, ЧЛЕНОВИ ЗАВЕДЕНІЯ СТАВРО-
ПИГІЯНСКОГО И МУЗИЧНОГО, ПОКРОВИТЕЛЮ УЧА-
ЩОИ СЯ МОЛОДЪЖИ И СИРОТЪ и проч. и проч.

ЯКО

покровителю словесности русской

ОТЪ ВЛАТОРОДИЮ

ВСЕПРЕСВЯТЫМЪ ГОСПОДИНУ

УШЖЗДОИ

Въ знакъ наибольшаго почита-
нiя и искренной благодарности

ГЛАВНОМУ

ПРОФЕССОРУ И ДИРЕКТОРУ
УЧЕБНАГО ЗАВѢДЕНIЯ
И НАУЧНОГО ПОКРОВИТЕЛЮ
УЧЕБНАГО ЗАВѢДЕНIЯ
И ДИРЕКТОРУ

жертвѣ

ПОКРОВИТЕЛЮ

504

СОЧИНИТЕЛЬ.

БОГОМОЛЕЦЪ. *)

Въ еднѣмъ краснѣмъ замцѣ, зъ которого оуже ѡтъ давня не осталъ камѣнь на камѣни, жилъ давныхъ дакенъ дѣже когатыи рыцарь. Онъ оберталъ много грошій на тое, цо бы замокъ якъ найлѣпше оукраинти, а не творилъ оубогимъ нечого доврого.

Едногю дня кѡйшоль якійсь оубогій человекъ къ замокъ и проинлъ са на нѡчь, а то былъ богомолецъ. Тамъ смѣлѡсть незнаемого розгудила рыцаря и сказалъ въ злости до него: „Чи ты гадаешъ, цо сей замокъ естъ гостинни-

---

*) „Богомолецъ“ зовѣтъ такого, котрый иде на якое мѣстце сватое, ооконно до Іерусалима, цо бы тамъ помедити са Богу.

цею?" Богомолецъ тронувъ до живого такимъ прѣтїемъ склонилъ сѧ низонько и рѣкъ съ покорю: „Милостивый Господине, позвольте ми ино о три рѣчи запытати сѧ васъ, а сей часъ оустѣплю сѧ.” Рыцарь прїсталъ на его прошенїе и рѣкъ оумѣхаючи сѧ: „Добре, можешь ма пытати, о що ино хочешь, а я на все ѡтповѣдь дамъ ти.”

Корыстаячи зъ того призволенїа запыталъ богомолецъ: „Кто обиталъ передъ вами въ тѣмъ замцѣ?” „Мой отецъ,” ѡтповѣлъ рыцарь. „Кто обиталъ тѣ передъ вашими ѡтцемъ?” пыталъ сѧ далѣ богомолецъ. „Мой дѣдъ” была ѡтповѣдь рыцаря. „А кто бѣде по васъ тѣ обитати?” запыталъ на остатокъ богомолецъ. „Такъ Богъ позволить, мой сынъ” рѣкъ рыцарь.

Ѳтзобравши такїи ѡтповѣди на свои пытаня сказалъ богомолецъ: „Сїтїи кож-

дыи лишь короткое время проживае въ томъ замцѣ, и въ еденъ другомъ отб-
 пае мѣстца, щожь вы иного жкъ не
 гостѣ? Я сн замокъ щожь иного, жкъ
 не гостинница? Если такъ, не ложитъ
 же только на оукрашеніе замка, въ ко-
 тромъ проживаете коротко; творѣтъ луч-
 ше оубогимъ доброе, а себѣдете си вѣч-
 ню обитель въ небѣ." Тн слова взалъ
 си рыцарь до сердца, прѣалъ челоуѣка
 на нѣчь и былъ ѡтъ тои хвилѣ добро-
 тлившимъ къ оубогимъ.

Сребро, золото и красны палаты,

Котрыхъ безъумны такъ страстно искаемъ,
 Днеська или завтра разъ прїиде лишати;

Добри лишь дѣла и въ гробѣ повитаемъ.

СВЩЕННИКЪ И СЛУЖИТЕЛЬ.

Въ Парижи въ церкви сватого Роха
 читовалъ щодень раненько еденъ свщщен-
 никъ слдждъ Божѣ. Едного поранка 1771.

года по́йшолъ, такъ звичайно, до церкви, ѡтправилъ проskomидію и взавши фелонъ на себѣ кыйшолъ зъ закрістїи на церковь и кїталъ передъ престоломъ, надъ котрымъ малъ ѡтпряклати, позираючи то суди то тѣмъ за дучкомъ, котрымъ до слѣжы Божой слѣжити малъ мѡ; но той не прїйшолъ.

Тогда селижилъ сѧ іакїиѣ незнаемый и рѣкъ: „Если позволитѣ, я послѣжѡ.“ Свѣщенникъ подаковалъ краененько за такю оуслѣжительнѡстѣ, и зачали ѡтправляти.

По слѣжкѣ Божой по́йшолъ свѣщенникъ до закрістїи и молилъ сѧ. Потомѡ запросилъ незнаемого, цокы по́йшолъ съ нимъ подикити сѧ на заведенїе глѣхонѣмыхъ, котрое основалъ своимъ грѡшми недалеко оной церкви. Незнаемый прїалъ съ охотою тоѣ запрошенїе, и по́йшли оба тамка. Въ заведенїю придиквалъ сѧ вѣмѡ

рѣдо, що ино въ очи мѣ впадо, и вѣе
 наполнило прѣятностію его сѣрдце. Попра-
 шалъ сѣ и ѡтходати ктиендѣ свѣщенни-
 кови на памяткѣ своего погѣщеніѣ зо-
 лотѣ вѣсѣрами *) высадженѣ табакеркѣ
 въ рѣкѣ. Ктожь былъ тимъ незнаемымъ,
 котрый застѣпилъ дѣлка мѣстце? Іосифъ
 П., Цѣсарь Ракѣзкій.

ЯКЪ НАУЧИЛЪ Сѣ БОГАЧЪ МОЛИТВЫ?

Єденъ богачъ поѣшоу до свого отца
 дѣховного и хотѣлъ неповѣдати сѣ. Дѣ-
 ховный запыталъ го, чи оумѣе молити
 сѣ. На тоє ѡтповѣлъ богачъ зачеркнѣв-
 ши сѣ: „Нѣ!“ „Бѣ, цюжь не оучилъсѣ
 сѣ?“ „Ахъ! отче дѣховный,“ рѣкъ бо-
 гачъ, „не маломъ головы наѣдшилъ сѣ;
 но коли мѣ оувидѣлъ, що якокъ не ишло
 ми, оучити сѣ пересталъсѣ.“

*) вѣсѣръ, дорогѣцѣнный камѣвичикъ.

Така ѡтповѣдь засмѣтила старанного о спасеніе дѣшъ священника и пыталъ дальше богача: „Оумѣешь же читати, писати?“ Богачъ рѣкъ: „Нѣ!“ — „Га! мже можешь ѡтъоврати, ежели комѡ пожичишь зѡѡжа или грошій?“ запыталъ дѣховный. „То могѡ“ ѡтповѣлъ богачъ. Тогда дѣховный: „Естли такъ, отже за покѣтѡ бѣдешъ выпожичалъ оубогимъ селанамъ зѡѡжа, роздѣмѣ са, якъ съобоважѡтъ са по жнивахъ назадъ ѡтдати.“ Богачъ навыкшій и такъ корыстати зѡ дновинкѡвъ пріамъ охочо такое дѣло покааніа.

Дѣховный пѡслаалъ недолго потомѡ оубогого челоѡка, котрого не знаалъ богачъ, приказѡючи мѡ, щобы назвалъ са „Отчинашъ.“ Тотъ иде и каже: „Слава Ісѡс Христѡ!“ „И во вѣки, аминь“ рече богачъ. „А що ми приносишь?“ Селанинъ скрѡбячи са въ головѡ мовить: „Вашъ отецъ дѣховный прислали ма тѡтка, що-

высьте ми выпожичили двѣ мѣрцѣ жита.”
 „ГѸ! жита. Я мкъ ти на има?” „Отче
 нѧшъ.” „Отчешашъ, Отчешашъ!” „А ѡт-
 ки родомъ?” „Иже еси на небесѣхъ,”
 моя родина. И намѣрилъ селанинъ жита.

По оуми днахъ поспалъ дѡховный
 инога челоуѣка съ подобными мкъ пер-
 вого приказомъ. Той звалъ са: „Да ска-
 титса ѧма твоѧ” походилъ зъ ро-
 да: „Да прїидеть царствїе твоѧ.”
 Богачъ пожичилъ и томѡ збожа и па-
 мяталъ си имена.

Дѡмаячи дѡховный, що памятае бо-
 гачъ тїи имена, поспалъ снока къ немѡ
 бѣднаго челоуѣка; тотъ звалъ са: „Да
 бѡдетъ кола твоѧ” и походилъ зъ
 рода: „И кш на небесїи тѧкъ и на
 земли.” И сїи не ѡтъишолъ ѡтъ богача
 безъ збожа. Такъ поспалъ дѡховный
 ажъ до кѡнца молитвы господнїи. Въ
 конецъ поишолъ самъ до него и пытае,

чи выпожичилъ комѸ збѸжа. Богачъ рѣкъ:
 „Такъ естъ!” Я иже зовѸтъ са тѸи,
 котрымъ покѣсилъсь твою працю?” за-
 пыталъ дѸховный. На тоѸ сказалъ бо-
 гачъ: „ПеркомѸ зѸ нихъ естъ на има:
 „Отче нашъ” зѸ родя: „Иже еси на
 небесѣхъ;” второмѸ: „Да скатѸт-
 са Ѹма твоѸ” зѸ родя: „Да прѸи-
 деть цѸрѸткѸе твоѸ и проч:

ОучѸвши тоѸ оумѣхнѸлъ са отецъ
 дѸховный. Богачъ видѸчи отца дѸховного
 оумѣхѸющога са запыталъ въ оудивленѸю:
 „Преподобный отче, чѸмѸ смѣете са?”
 ДѸховный: „Дла того, чо оумѣете мо-
 лити са выговорюючи самыи лишъ имена
 должникѸкъ своихъ.” —

Тимъ богачъ дѸже оутѣшилъ са и
 даровалъ оубогимъ сѸланамъ всѸ збѸже,
 котрое имъ былъ выпожичилъ, а отцѸ
 дѸховномѸ дорогое фѸтро. —

СОЛОМОНЪ.

Царь оугорскій Соломонъ радилъ лихо своимъ крѣмь. Нарѣдъ сненавидѣлъ го. Для того поднесли его рѣдн стрыки: Гейза, Ламкертъ и Владиславъ, сыны Андреа I., орѣжѣ на него и такъ сильно въ войнѣ го перазили, що видѣлъ са быти принѣдженнымъ бѣгствомъ спсати житѣе свое. Оубѣгъ въ Прешеврѣгъ. Тамъ находила са тогда его мати и жена. Обѣ зачали сварити нань, що зле обходилъ са съ народомъ. Онъ тимъ розсердилъ са и поднѣгъ рѣкѣ на свою рѣдн матерь. И былъ бы ю оударилъ; но жена повздержала го. За тое обѣ невѣсти на него загнѣвались и на все го лишили. Отъ кѣхъ опѣщеннѣи скиталъ са небо-ракъ по кѣи Оугоршинѣ — перебраннѣи и съ малою дрѣжиною, ажъ загналъ са на остатокъ глѣбоко къ гѣщавинѣ лѣи. Тамъ стоала на проголинѣ невѣлукѣа хижина лѣиковаго. Бѣлижившиь до тои

просилъ, щобы го прѣато подъ стрѣхъ. Лѣсовый милосердучи са надъ нещастны-ми, во мыслилъ, що заблѣдали, за-просилъ до хижи и гостилъ, чимъ мѡгъ, незнаемыхъ. Соломонъ желалъ ѡтпочити оу лѣсового и промовилъ тими словами: „Царь Соломонъ выслалъ насъ, щобысьмо найшли безпечное мѣстце для него — тѣтка добре; — не малыестьте охоты перетрымати насъ оу себе, поки не со-бере войска и арбговъ къ ѡтъисканію своего царства?“

„Сохрани ма Господи ѡтъ того“ рѣкъ перетрашенный лѣсовый, „щобымь перетримоваля въ своей хижи сына, котрый поднѣсь рѣкъ на свою рѡднѣ матерь!“

Соломонъ заглонилъ тварь рѣками и плакалъ рѣсныи слезы жалю и вѣтыда, пѡйшоль и скиталъ са, ажъ найшоль на помору Дальматскѡмъ безпечное схро-неніе и смерть неславнѣ.—

З Ѹ Х Ъ.

Такъ называлъ са пещь селанина Ивановича. Не еденъ може помыслитъ, що такое има лишъ человекѣкъ пристонитъ, а однако и пещь малъ го. Правда собыло са то слѣчайно, во коли пещь такое на-давано, ще никто не мѡгъ и помыслити, що пещь го оудостонитъ са. Коли однако пѡдрѣкъ такъ, що го выпѡщено для сте-реженїа дома зъ клѣти, въ котроѡй го-довалъ са, показалъ въ скорѣ своею вѣр-ною слѣжею, яко не ошнеъ са тотъ, кто зѡхомъ прозвалъ го. Ивановичъ оби-талъ на ѡтѣстороню далеко ѡтъ села, до которого писалъ са — на самотѣ. Не было тамъ лишъ кѡлька хижинъ и тѣи въ дали една ѡтъ дрѡгон. Не величкая про-сторонъ орного поля на пѡлночь и оуз-кое пасмо тѡ и тамъ зарослого ѡльши-ною лѡга оспасовало его обѡйтѡ; самѡ же проголнѡ окрѡжалъ изъ всѣхъ сторонъ гѡстѡй лѣсъ сосновѡй. Тамтѡды не ишолъ

сверники и долота звичайно тамъ ночували, где два вчерашніго роєило самими. И ничь не сгинѣло, ко зѣхъ стѣрѣгъ. Абкакый челоуѣкъ не ѡтѣжилъ самаразитиѣ на некезпеченьстко, колижъ на самое спѡмпеніе о зѣѣ морозъ ишолъ по тѣлѣ. Говорили, що той пѣзъ былъ такого козрогта якъ кѡнь сельскій, инїи же хотѣли такой ити о закладѣ, що верхъ тина, котрый надъ пѡлтора сажна высокій, видно было его головѣ, якъ сперъ сам о него передними лапами. Покодомъ вѣхъ тихъ и имъ подѡбныхъ поголосокъ былъ пострахъ, жкимъ набавилъ не єдного *). Кроме того зѣхъ ще тимъ ѡтличалъ сам, що не сыпалъ по цѣлыхъ ночахъ, лишь бѣгалъ по подѣвѣрю и брѣ-

*) Б...котрый на Вѣвчилицѣ Вѣденскѡмъ вархоу черпалъ мѣдрѡсть такъ, що смѣлъ покѡнтити впоєвати въ сына Ивановича ложнѣ свою наѣкѣ опровергающѣ Чѣда Мойсѣвы, Божество І. Христа и проч. такъ зѣхъ натрашилъ сам, що на мѣстци занѣдѣжалъ на зиницю, и вѣробалъ, жкобы зѣхъ выше тина Хрѣстомъ ѡносилъ сам.

халъ неѣстанно, якъ коли Ивановичъ ѡтъ-
 бѣхалъ зъ домѣ. А що надзвычайного дало
 са потеречи на нѣмъ, тимъ была такъ
 рѣдкаа вѣрностъ, що не рѣшилъ, естли
 коли шо съ лавки или стола оупало на
 землю. Едного дна сѣднѣлъ са былъ
 съ лавки бохонецъ хлѣба и оупалъ на
 землю за жорна. Тамъ лежалъ кѡлька
 днѣй за кобицевъ и никто не потерѣгъ
 го. Домовники оставали тогда по цѣ-
 лыхъ днахъ въ поли занатыи работю,
 бо были жнива. И кто знае, якъ долго
 былъ тамъ лежалъ былъ, якъ былъ зѣхъ
 не былъ ѡткрылъ го. Около деватон годи-
 ны передъ полднемъ пошходила са челадъ
 съ пола до хижы. Господина поставила
 окръглый столецъ пѡдъ ѡкнами коло лавки
 накрыла бѣлымъ оверсомъ, положила бо-
 хонецъ житнѣго хлѣба и поставила спо-
 рѣю мискѣ со стракою порозкладавши
 лижки. Ивановичъ переблагословилъ дары
 Божїи, помолили са та сѣли до обѣда.
 Теперъ настала тишина, котрѣ лишъ ко-

ли николи перерывалъ оударъ ложки о мнѣхъ. Въ томъ кто сътамъ обернулъ са и по-стерѣгъ, що пѣкъ чогось дѣже вертѣлъ са коло кобицѣ. То лаже коло нѣн, то вѣта-нѣ и ѡтходитъ, все въ тамтѣю позира-ючи сторонѣ. Видачи пѣа въ такимъ со-стоанію пытаются еденъ арѣгого, щобы то мало значити, диклатъ са за ко-бицю, и якъ сѣдовали са найшовши тамъ бохонецъ хлѣба, котрый былъ не повредженный, хотя пѣкъ лежалъ коло него. Ѳтъ тогда не разъ положили на-мышленно кѣсень хлѣба на земли, да-ючи пѣови пѣзнати, що то не для него. Поѡтходили пѣа самого лишаючи, а ди-вѣтъ, николи не сѣлъ хлѣба, хотя голодъ докѣчалъ мѣ: бо при такихъ опытахъ нарокомъ не давали мѣ вѣти. Щобы однако ще лѣьше перекаѣчити са о его вѣрности, положилъ едной не-дѣлѣ Я..., сынъ Ивановича, кѣсень ма-кѣха, знаючи, що то его найсмачнѣйша страва, на оуглѣ; до того припалъ пѣа

ланыцѣхъ и ѡтъишолъ самъ до церкви даючи під порездмѣти, щобы не съѣлъ макѣха. Церковъ ѡтстоить близко полъ милѣ ѡтъ обители Иканокича а набоженъство въ нѣй вавило звычайно ѡтъ години 8. рано до 2. по полдани. Вчиглиши до того ще кремля, котрого было потреба, щобы зати и вернѣти, смѣло прѣати можна, що оуплындло 7 полныхъ годовъ, нѣмъ я.... домѡвъ мѡгъ повернѣти. И якже сѣдобавля са прѣишовши зъ церкви, видачи макѣхъ коло паши зѣха лежащій, якъ положилъ го! Тимъ оурадованый поглядилъ зѣха по головѣ и сказалъ: „Бѣхъ зѣхю,” и сѣй часъ бѣлъ сковлѣючи зъ радости.

Посварилъсь на него, ѡнъ поти ходилъ засмѣченый, покинь рѣкою го не поглядилъ. —

Хота зѣхъ былъ такъ вѣрный, що мѡгъ завѣтыдати не еанѡ дѣтинѡ, малъ

однако межи иними одного завзатога корога. Тимъ былъ нераздѣльный второй токарнишъ жита сельскаго — когѣтъ. Сей чомѣсь зѣхъ даже сненавидѣлъ и постановилъ прогнѣдовати ажъ до смерти. И такъ творилъ. Гдѣ ино стрѣтилъ пса, вкюдѣ не покоилъ го. То сѣкъ зюкомъ въ хвѣстѣ, то пралъ крылами, то сварилъ кокодакяучи. Коротко той враждѣ не было нѣ конца нѣ мѣры. Зѣхъ початково, какъ мѣгъ, съ дороги сходилъ мѣ; коли однако оуже было за много, траснѣлъ передною лапою тай зломилъ мѣ ногѣ. Смѣтокъ на цѣломъ подкѣрю! Не было, кто бы запѣлъ а тимъ самымъ седнилъ бы, а когѣтъ то единственный годинникъ оу нашего селаннина. И нелѣлъ сѣ, нѣмъ прѣйшолъ снока до силы. Но мѣсто разѣ покаати сѣ тай оставити съ зѣхомъ боркѣ, розпочалъ на новоце бѣльшѣ и зататшѣ ѡтъ первон, а пѣсъ тимъ накѣчилъ си и головкѣ ѡткѣ. силъ мѣ.

Помістивши са здохъ такъ на сво-
ѣмъ корозѣ не смѣлъ вѣйти до хижи,
поки еденъ зъ домовникѣвъ рѣкою го не
погладилъ по головѣ и тимъ вины не
простилъ мѣ.

ДІОГЕНЬ И АНТІСТЕНЬ.

Дакныхъ давень много а много лѣтъ
передъ Рождествомъ Христовымъ жилъ
къ Греціи мѣжъ именемъ Антістенъ. Той
оучилъ мудрости; былъ однако такъ не-
щастливый, що малъ самыхъ лѣнивыхъ
оученикѣвъ. Даремно напоминалъ ихъ, що-
бы слухали оуважно, чого оучилъ; они
не хотѣли. Вѣврило мѣ са на остатокъ
даремное напоминаніе и постановилъ ѡтъ-
оглати вѣхъ до ихъ родичей. Лѣнивыи
оученики тимъ дѣже оурадовали са, що
не потребоваши вѣльше свшити си голо-
вы надками. Межи ними находилъ са
такожь Діогенъ. Той иначе мыслилъ,

якъ тамтїи: малъ великѡю охотѡ над-
 чити са чого пожиточного и свѣдалъ
 про тое съ прїятностїю ученїа Антїсте-
 нова. Оучилъ са для себе. Коли тамтїи
 съ охотокъ поѡтходили ѡтъ оучителя сво-
 го, ѡнъ еденъ нїакъ не хотѣлъ ѡтѣд-
 пити ѡтъ него. Оучитель видачи тое за-
 чалъ мѡ карою грозити, но и се ничего
 не помагало. Дїогенъ такой лишилъ са
 оу него. Постерѣгаючи въ нѣмъ такѡ
 постоаннѡсть хотѣлъ Антїстенъ ще аду-
 ше о нѣй переувѣдити са и намѣрилъ
 оударити го прѣтомъ, котрый держалъ
 въ рѡцѣ; а коли и тимъ Дїогенъ не далъ
 ѡтвести са ѡтъ свого намѣренїа, Ан-
 тїстенъ для полного переувѣченїа са о
 его постоанности сталъ въ истѣ сѣчи
 го прѣтомъ. И якже потѣпилъ си тѣт-
 ка Дїогенъ? Гадаете, що може плакалъ?
 Нѣ! но рѣкъ прїятнымъ голосомъ: „До-
 рогїй оучителю, мѡй тятѡвнцю любезный,
 кїйте ма, якъ хочете, а свѣлайте ми
 тѡю милѡсть, щобы ми было свѡбѡно

и дальше користити зъ вашого ученія!"
 Понавши Антистенъ, якъ оусердно желавъ
 Діогенъ слухати его ученія, судиклавъ
 са тѣмъ такъ рѣдкою постоанности, по-
 любилъ го за тое цѣлымъ сердцемъ и
 николи бѣльше о томъ не помислилъ,
 щобы го оудалити отъ себе. Діогенъ же
 оурадованный такою милостію своего учи-
 теля, оуказавъ на кождѣкънѣе его
 слово, повиновалъ мѣ са ко всѣмъ, а
 оучачи са якъ найприлѣжниѣше сдѣлавъ
 са мѣдрымъ человекомъ.

СЕРДЕЧНАЯ ПОДАКА.

Блѣпный дѣдъ, которого вѣкъ похи-
 тилъ къ земли и жѣрка поморщилъ чело,
 заболѣвъ са разъ до мѣста прогити
 хлѣба. Тамъ ходилъ отъ дома до дома
 и просилъ вытѣгачи рѣки, а никто ни-
 чого не подалъ мѣ. Пѣйшоль про тое пѣ-
 реадъ церковь, сѣлъ при дверяхъ и про-

инаъ мнѣмодѣщихъ о милосердіе къ на-
дѣи, що хотѣ тѣ на сватомъ мѣстѣ
христїане оулашяють его плачь, но дар-
мо напрѣжалъ свои грѣди. Тѣи шкъ бы
гладхїи не слышали его прокъбъ и никто
не показалъ милосердіа надъ нещастнымъ.

Видачи то едентъ зъ городскихъ (мѣст-
скихъ) священникѣвъ, которо кѣкъ гра-
ждане (мѣщане) знали зъ покожности а
даа того почитали високо, склѣжилъ са
къ слѣпомѣ и склѣ си при нѣмъ по
лѣкѣи рѣцѣ. Оузрѣвши тое переходящїи
люди гадали, що сїи слѣпецъ былъ че-
ловѣкомъ великомъ а може ще кѣльшон
чести, шкъ самъ священникъ, иначе бо
тойже по лѣкѣи не склѣалъ бы. Про тое то
каждый хотѣлъ быти первымъ и давали на
кытаги слѣпомѣ милостыню. Слѣпецъ
сдѣлѣлъ са надъ тѣмъ, що на разѣ, шкъ
бы градомъ, обсыпали го дарами, и сталъ
слѣдити за причиною тон перемѣны.
Выслѣдивши тѣю обернулъ са къ сва-

щенникъ и рѣкъ съ восхищеніемъ: „Милостивый Отче, Выяте сдѣлали милость для такого, котораго видать, хотя онъ не видитъ; найте тотъ, который то видитъ а есть невидимый, еде къ вамъ наймилостивѣйшимъ!“

ДОБРОДѢТЕЛИ.

Добродѣтели жили долго съ собою въ чести и покою яко черницѣ въ монастырю, котораго предстательскою*) была сама Покожность. Щедрость служила за дверника, Оумѣренность за поваря; Розсудительность мала надзоръ надъ полемъ и огородомъ а Щадность считала приходы; Любодность управлала молодшими сестрами а Покора всѣмъ оуслуживала. Такъ каждая зъ добродѣтелей управлала инимъ оурадомъ, а о всѣхъ нихъ памятала и зараджвала ними даючи напо-

*) старшою

мненія и розказы, предстоателька, котроу, якъ рекло са, сама побожноѣтъ была.

Предстоателька оумерла. Тогда постановили добродѣтели монастырь опѣтити и пойти въ свѣтъ, гдѣ, якъ адмали, могли вѣльше дѣлати добра. И выбрали са разомъ въ дорогѣ.

Якъ зайшли до села нийблизшого, стрѣтила ихъ*) вѣдна женьщина, держащая дѣтинѣ на рѣкахъ, таа просила о вѣпоможеніе. Щедрѣтъ, котра носила торбинкѣ съ грѣшми, хотѣла тотъ часъ вѣднѣй много дати грѣшій. Но щаднѣтъ сганила къ тое, бо адмала, що для просащихъ малый выстарчитъ дятокъ. Розсѣдательнѣтъ замѣтила на тое: „Нерозважно давати, чи то много чи мало, не естъ добре; на самъ передъ належитъ перескѣдунити са, чи просащій въ самѣмъ дѣлѣ вѣд-

*) сойшла са съ ними.

ный и чи заидгдѣ на тоѣ, шобѣ го по-
милосати." Такъ на радѣ розсѣдатель-
ности оубога ѡтъшла съ ничимъ.

Потомѣ зайшли добродѣтели въ иное
село. Тѣ оузрѣли, якъ единъ отецъ сѣкъ
свого сына прѣтомъ. Тотъ чинъ сбли-
жила са къ немѣ лигоднѡсть прогав-
шобѣ переталъ злостити са. Острѣ-
же похвалала челоуѣка, придаючи, шо оу
молодыхъ анѣ едно оудареніе не естъ
даремно, изъавши тоѣ, шо мимопаде.
Розсѣдательнѡсть однако дѣмала, шо вѣ
вредитъ, чого за много, а ко вѣмъ на-
лежитъ держати мѣрѣ. Такъ сѣкъ отецъ,
шо силы и поки самъ хотѣлъ, своего
сына.

Коли въ дальшѡй дорозѣ зайшли въ
кывѡзъ, чвалоуавъ тамъдѣ якійсь чело-
уѣкъ верхомъ, пѡдганаючи конѣ вичемъ,
котрымъ выкиваючи то въ право то въ
лѣво оударилъ справедливѡсть въ лице а

покорѣ по за оуха. Справедливѣсть тотѣ часѣ крикнула: „Треба владника *) придержати и позвати передѣ сдѣ, щобы тамѣ ѡтѣоураля карѣ за свою недкагѣ.“ Но покора река: „Онѣ неддарилѣ нами. шленно, отже трека мѣ прѣстити.“ На що розѣдательнѣсть озвалася: „По що намѣ тѣ.сварити са? Бѣдѣмо довольни, що мы, довродѣтели, ще кѣзѣ оплаты и скѣѣдно гѣтиньцемѣ ити можемо!“ —

Щѣсь подѣбного щѣ не разѣ ихѣ напѣдкало, и за каждымѣ разѣмѣ начинала са сварна мѣжи ними, якѣ бы то на тѣе смотрити и якѣ бы то си кѣ такѣмѣ разѣ порядити. Тогда дала одного дна розѣдательнѣсть такѣю радѣ, щобы найлѣчше было, якѣ бы розѣшли са и кожда зѣ нихѣ поѣшла своєю дорогою и то дѣлала, що бы найлѣчше ѣѣ ѡтпокѣдало.

*) владникѣ зѣкѣмѣ тотѣ, кто ѣздитѣ конемѣ.

Тамъ рада имъ дѣже подобала са; однако, нѣмъ розъишли са, постановили межи собою за рѣкъ и день сѣйти са на назначенномъ мѣстци, цюбы могли си розповѣсти, якѣю мали долю, и обмыслити на ново какъи средства къ оуспѣшливленію людѣй. И такъ было. За рѣкъ и день сѣиши са снова на означенномъ мѣстци, и каждая оповѣдала своимъ дрдгинамъ, гдѣ до теперъ бывала, цю дѣлала, и какъ ѣи покидало са.

На самый передъ начала щедрѣть и рекда: „Пѣйшламъ до замка рыцарского, который оуходилъ за найбогатѣйшій въ цѣломъ краю. Его влѣстителька, котра была вдовомъ, въ скорѣ ма полюбила и ишла во всѣмъ за моею радюю. Отъ тогда накрывано цю день два столы, еденъ для проѣждающихъ рыцарей и оучениковъ, а дрдгѣй для близкихъ и посторонныхъ оубогихъ. Первыхъ кромѣ оугощенїа оусыповано при отъѣздѣ ще многими дара-

ми, послѣднимъ при ѡтходѣ роздѣлаю
 гроши. Своимъ поѣданнымъ даровала кдова
 на мое предложеніе податки и данины,
 а на церкви и монастыри записала свои
 поля. Была то къ самѡмъ дѣлѣ велика
 радѡсть въ замцѣ и въ краю, однако
 все тое въ скорѣ на зло вышло: бо
 многіи зъ тихъ, котрымъ роздавала да-
 ры, начали згѡршительно жити; силане
 непомыслили бѡльше о плбзѣ, но пере-
 сѣджовали по цѣлымъ днямъ въ корчмѣ за-
 ливаючи са горѣлкою, и соромъ сказати, къ
 какѡ то розпѡстѣ они погрѣзли са; на
 остатокъ стало въ замцѣ що разъ бѡль-
 ше приростати челади, а коли оуже не
 было що давати, мстачи са за тое сгра-
 били и поѣпалили замокъ. На щастье,
 какъ бы предвидѣючи такій конецъ, сеѣ-
 довала была кдова рыцарица дѡмъ сѡ-
 роненія; въ той теперь сама кѣтѣпила,
 щобы тамъ закончити дни жита своего
 въ тишинѣ, постѣ и молитвѣ. Ѳтходючи

ПОТѢШАЛАМЬ Ю, ЩОБЫ ГЛАДАЛА
 УРОДЫ КЪ ДОБРОМЪ СОВѢДѢНІЮ.”

Іакъ скончила щедрѣсть, начала спра-
 ведливѣсть и рекла: „Іа оуѣла къ сѣди-
 щѣ молодого, початкового сѣди; томѣ
 столаламь невидима при боцѣ и наста-
 валамь на тоє, щобы сѣдилъ остро и
 по давнымъ законамъ. Его попередникъ,
 вѣсковый человекъ, не такъ дивилъ са
 на законы писаны, якъ бѣльше на свы-
 чан, преданїа и заходящїи обстоятель-
 ства. Въ чистѣ мѣ послѣжитъ сказати,
 що мимо того оумѣлъ одержати поря-
 докъ, оудокольство, ба навѣтъ былъ
 такъ щастливый, що позыкалъ си лю-
 ковъ тихъ, котрыхъ оуджалъ. Но давное,
 писанное право на томѣ терпѣло; должно,
 нѣжно было иначе быти. На мою дора-
 дѣ перемотрилъ молодой сѣдїа на са-
 мый передъ всѣ старын, порохомъ попрн-
 падованыи книги и грамоты, *) въ ко-

*) листы.

трыхъ приписы зъ давныхъ временъ нахо-
дили са по списовани. Потомъ началъ
даже остро сдѣти, и сдѣлъ и рѣшалъ
такъ, що инѣ на волость не ѡтступалъ
ѡтъ закона, не оукажючи на послѣд-
ствіа. И былиа весьма докольна зъ не-
го; но тмиъ меньше тѣи, котрыхъ сд-
жовалъ. Ожалали самко на его остроѡсть
и немилосердіе, а коли сдѣа не тѡлько
шо не звжалъ на ихъ нарѣканіа, но
предявалъ ожаллющихъ са карѣ, пѡднегли
са на него, розорили *) дѡмъ сдѡвкый и
спалили всѣ давныи книги и грамоты,
а сдѣю повѣсили на шибеници, котрѡ
казалъ самъ поставити. — Ѳтъишлалъ
въ смѣткѡ и безъ надѣи, шоко имъ ще
помочи можно — справедливостію! —

Потомъ оповѣдали всѣ добродѣтели
свою долю и розказовали по наибѡльшой
части лишъ смѣтчныи вѣсти. Трѡдолю.

*) розвалили, разбили.

бїе **) казало: „Іа встѣпило оу селанина за наймита и рокиломъ день и нѣчь дла него; но чимъ бѣльше я робило, тимъ бѣльше хлопъ лежалъ и розпѣтъ преда- влъ са.“ — Щедрѣсть рекла: „Іа оѣла оу бѣдной вдовы и оумѣламы зарадити тимъ, щосьмо ошадилн зъ того, що праднїемъ и тканїемъ зароблалнсьмо; но на разъ вѣтъ гроши счезли: бо вдова кѣпила си краенѣ и дорогѣ юпкѣ, щобы нею пове- личати са на праздникъ, такъ якъ дрѣ- гїн.“ — Лягѣднѣсть рекла: „Іа съ поко- рою перейшла край свѣта и не наш- лнсьмо нѣгде дла себе работы анѣ прїа- тїа; люди держали насъ за глѣпыхъ, ко- трыи на ничъ не придають са.“ —

Вконцѣ заковкали розсѣднтельнѣсть, щобы оповѣла, що дѣлала и якѣ мала долю; бо до теперь молчала, якъ звы-

**) „трѣдолюкїе“ есть то, естли человекъ непрестан- но любитъ якоюсь работою быти занатын, отже любитъ трѣдѣ.

чайно она не много любитъ говорить.
 Розсудительность рекла: „Моя повѣсть
 коротка. Знаючи люди и такъ то по дѣ-
 ломъ они мыслятъ и дѣлають, я отъ
 нихъ сторонила не сходачи съ николи съ
 ними и пошламъ къ пѣстыню. Тамъ
 оставаламъ черезъ все время оу одного
 пѣстынника и найшламъ по при страхъ
 Господень, котрый сѣдѣлъ къ его хижинѣ
 и владѣлъ его сердцемъ, все ще кѣткъ,
 гдѣмъ могла спокойно спочити и дѣлати.
 Мало що маламъ робити; показоваламъ
 мѣ, на котрыхъ мѣстцахъ росли смачныи
 сѣниці и зеля помочныи; ежели не зрѣ-
 но вѣтромилъ збанокъ къ кирницю, оу-
 важнымъ го робиламъ, щобы не выпѣ-
 стилъ зъ рѣки и не звилъ збанка; пригадо-
 валамъ мѣ и напоминаламъ го, щобы по-
 кривалъ и запералъ хижѣ, такъ наставляла
 остра пора или грозила вѣра, дощѣ и
 вѣтерѣ. Такъ жиламъ оу него спокойно
 и съ оудовольствомъ и ледкомъ то вы-
 могла на собѣ, щомъ опѣтила самотѣ,

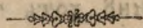
щобы сойти са съ вами, якъ собѣ при-
рекалиемо.” —

„Но” рекла розвѣдательнѣсть отпоч-
нѣвши трохи „щожь мыслыте зачинати
и що дьяльше дѣлати?” Добродѣтели мол-
чали. „Менѣ,” рекла розвѣдательнѣсть „най-
лѣьше кыти видить са, кѣтѣпнати, якъ
то давнѣйше было, пѣдъ зарадъ острѣй-
шій. Опыталиемо *) то ажъ за надто,
щю анѣ кѣ разомъ анѣ поединоко не
можемо добре дѣлати, якъ долго по ско-
ей коли и силѣ дѣлати вѣдемо. Въ до-
розѣ чѣламы о покожнѣй и Бога колащѣй
са невѣстѣ, котра жѣе въ городѣ сто-
личнѣмъ и опѣкѣе са сиротами, вѣд-
ными и колащыми. Но до того боговѣдо-
ного дѣла жѣ насъ кѣхъ потреба; мы
же самыи не можемо найти лѣушѣ слѣ-
чайнѣсть, якъ оу неи, щобы каждая зѣ
насъ могла по скомѣ дѣлати дла добра

*) зѣ польска: довѣдчаниемо.

люди. И про тоє то моя рада, щобысьмо
пѣшли до ней на службу и бы во вѣмь
повиновали са.

Добродѣтели пристали на тоє и пѣш-
шли тотъ часъ до города столичного,
гдѣ оутяють до нынѣ. Тамъ творять
до днесь безконечно много добраго. Кто
или ихъ найти хоче, гладаль бы даремно;
во они жють и дѣлають тамъ подъ до-
зоромъ оной нечѣсти ще въ бѣльшомъ
оуединенію якъ въ тамтомъ монастырю,
а ихъ дѣла лишь самъ Богъ вѣдає и
его сватыи ангелы, котрыхъ постановилъ
на тоє, щобы списовали дѣла человеке-
скіи на судъ страшный.

БЛАГОСЛОВЕНЬСТВО КРЕСТА.

Бденъ побожный и понатный, но
оубогій хлопчина кетѣпилъ до золотника
на надкѣ и поналъ въ коротцѣ такъ

Сирѣтъ 1 1/2 2 1/2 3 1/2 4 1/2 5 1/2 6 1/2 7 1/2 8 1/2 9 1/2 10 1/2 11 1/2 12 1/2 13 1/2 14 1/2 15 1/2 16 1/2 17 1/2 18 1/2 19 1/2 20 1/2 21 1/2 22 1/2 23 1/2 24 1/2 25 1/2 26 1/2 27 1/2 28 1/2 29 1/2 30 1/2 31 1/2 32 1/2 33 1/2 34 1/2 35 1/2 36 1/2 37 1/2 38 1/2 39 1/2 40 1/2 41 1/2 42 1/2 43 1/2 44 1/2 45 1/2 46 1/2 47 1/2 48 1/2 49 1/2 50 1/2 51 1/2 52 1/2 53 1/2 54 1/2 55 1/2 56 1/2 57 1/2 58 1/2 59 1/2 60 1/2 61 1/2 62 1/2 63 1/2 64 1/2 65 1/2 66 1/2 67 1/2 68 1/2 69 1/2 70 1/2 71 1/2 72 1/2 73 1/2 74 1/2 75 1/2 76 1/2 77 1/2 78 1/2 79 1/2 80 1/2 81 1/2 82 1/2 83 1/2 84 1/2 85 1/2 86 1/2 87 1/2 88 1/2 89 1/2 90 1/2 91 1/2 92 1/2 93 1/2 94 1/2 95 1/2 96 1/2 97 1/2 98 1/2 99 1/2 100 1/2

добре тѣю краєнѣ и нехѣтнѣ*) рокотѣ, що перекижшаль самого майїстра.

Разѣ прїйшоль якїйсь богачъ знакомитый. Той принѣлъ грдкѣ золота и дорогоценни камѣнчики. Зѣ того далѣ выдѣлати хорошїй крестикѣ. Майїстерѣ далѣ тѣю рокотѣ на свого оученика, знаючи, що оумѣлъ всѣхѣ задоволати своєю рокотомъ. Хлопчина погадалѣ си порячи са съ рокотомъ: „Бїтли сїй благородный богачъ Христѣ Господѣ ѡтѣ раза такѣ много золота жертвовати може; малѣ быжѣ я такѣ скѣпымѣ быти, щобымѣ съ оною евангельскою вдовою, котра принесла двѣ драхмѣ — не жертвокала на цѣль такѣ краєнѣ хоть того, що си зароблю выдѣланїемѣ крестика того?

Не долго потомѣ прїйшоль онїй богачъ зважити крестикѣ, нѣмѣ былѣ камѣнцами высаженый. На вазѣ показало са, що крестикѣ заважилѣ бѣльше,

*) зѣ нѣмецка: штѣчнѣ.

мкъ самое золото, котрое далъ нань. Розсудилъ сѧ про тоє на хлопчинѧ, що ошдкѧлъ го и сказилъ золото примѣшаніємъ якогось иного метала пѣдлѣйшого.

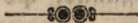
На тоє озвалъ сѧ невинный хлопчина: „Господь Богъ, котрый самъ проникає скрытости сердца челоувѣческаго, вѣдає, що я не допѣстилъ сѧ ничего такогo: вѣдѧчи однако, що вы, Господинь, Христѧ Господѧ жертвовали тѣлько золота, загадалъ и я придати къ томѧ скѣой заробокъ, що вы и я мѣгъ оучастъ мати въ томѧ добромѧ дѣлѣ и Христогъ на мѧ не милосердными дивилъ сѧ очима, подобно мкъ прѣмѧлъ двѣ драхмѣ онѧ вѣдѧчи.“

Мѧжь благородный остолпѣлъ оучѣвши слова, мкихъ не надѣвалъ сѧ, и запыталъ коротко намысливши сѧ: „Скажи но ми, сыне, малъ ли ты въ самѣомѧ дѣлѣ такѣю гадѣ?“

*

И коли рѣкъ хлопчина: „Такъ есть,“ промовилъ до него тими словами: „Понежи ты ѡтдаючи ХристѸ всю свою волю съ такъ добрыми мыслами желалъ оучастъ мати съ мною, и тебе въ сына пріймаю.“

ПотомѸ поалъ го съ собою и постановилъ наслѣдникомъ вѣго своего имѣнїа.

КЛЕАНТЪ.

Въ Атинахъ, въ столичномъ городѣ греческомъ, жилъ человекъ, именемъ Клеантъ. Ще хлопчиною набралъ великои охоты къ наукамъ; не мѡгъ однако сполнити свое желанїе, бо былъ такъ оубогїй, що не малъ шо въ уста вложити. Тогда жилъ въ Атинахъ Зенонъ. Той прославилъ ся такою мѡдростїю, шо горѣли ся до него зъ кѣхъ сторонъ на наукѸ, а оучилъ мѡдрости и добродѣтели.

Клеантъ радъ былъ зъ сердца слухати оу-
ченїа Зенона; не мѡгъ однако долго об-
мыслити, якимъ бы средствомъ хопи-
тись за дѣло. Тимъ бѣднакъ дже жд-
рилъ са и сталъ адматн, мѣ бы то
си порадити. Ходитъ и промышлае, но
дармо: бѣдномъ все бѣда на свѣтѣ. И
щожь? Оттѣспилъ же отъ свого намѣ-
ренїа? Нѣ! Онъ рѣшилъ положительно
оучити са и сказалъ самъ до себе: „Най
бѣде, якъ хоче, такой я оучити са мы-
шлю.“ И якже розпочалъ дѣло? Тамъ
жилъ тогды богатый огородникъ. Тотъ
потребовавъ много воды къ пѡдливанїю
огородины. Клеантъ оугодилъ са съ нимъ
достарчати мѡ воды и ногилъ такю но-
чїю. Крімѣ того мололъ ще оу одной
вдовы на жорнахъ збѡже на мѡкѡ и
зароблалъ си що нѡчь тѡлько, кѡлько по-
требовавъ дна завтрѣшнѣго на прокор-
мленїе для себе, а въ день ходилъ до
Зенона и оучилъ са отъ него. При тѡмъ
вызиралъ такъ красно, що все мѡ оуди-

влади са. Такимъ образомъ дойшовъ до
цѣли, которю ще хлопчиною обралъ си.

Кто терпливо свое дѣло и въ день и въ ночи,
Поки мужиють члены на себе пріймае;
Нужда го не найде, ни голодъ зиркне въ очи:
Съдъ его волосъ щастна доля увѣнчае. —

ЖИДЪ И ХРИСТІАНИНЪ.

Въ городѣ, не пригадѣю си, яко мѣ
было има, жилъ разъ Иванъ и Яронъ.
Они давали гроши на великѣю лихвѣ. Кто
не мѣгъ помочи си иначе, бралъ ѿтъ ихъ
гроши, хотя то зналъ дѣже добре, що
за годъ тра было ѿдати въ двое тѣль-
ко, кѣлько пожичилъ. И щожъ дивного?
Голодъ не жартѣе. Не долго потомѣ И-
вана и Ярона передъ съдъ запѣзвали.
Скоро ино тѣ показало са, що обоухъ про-
вина была каги единой, хотя Яронъ лѣч-
ше боронилъ са, заѣдаженно ихъ на рѣвно

великѣ карѣ — должны были заплатить по сто черконухъ и сѣдѣти по два мѣ-
сацѣ въ темници.

Таа кара имъ за остроу быти ви-
дѣла са; постановили про тоє ѡтнести
са до самого княза, цобы самъ оѣд-
дилъ ихъ. И князь склонилъ са къ ихъ
прошенію.

Казалъ прикликати сѣдїю, цобы про-
читалъ жалобѣ обвиненныхъ, и рѣкъ къ
нимъ: „Добре, цо прійшли до мене: бо Яронъ
оѣдженный на два разы бѣльшѣ, Иванъ
же на тѣлько меньшѣ карѣ.“

„Но, Ваше Высочество“ промовилъ
сѣдїа, „того я совѣтъ не понимаю. Еже-
ли обоухъ провиня одного рода и величины,
для чогожь бы мали не рѣкнѣ ѡтъобрати
карѣ?“

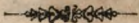
„Для чого нѣ!“ рѣкъ князь. „Для
того самого, цю однаково провинили, не

однаково ихъ караетъ са. Яронъ — то Жидъ, за нимъ яко такимъ ничъ въправдѣ не промовлае, но онъ не знае нашои сватои кѣры Христїаньскои; Иванъ же Христїанинъ а яко такїи долженъ знати на-скѣ и приписи христїаньскїи. Ежели отже допущае са лихоимства такъ, якъ жидъ — невѣжа — найменьше о четверо на большю заслѣдѣе карѣ, якъ Жидъ.”

Свдѣла не зналъ, що ѡтпокрѣсти на слова тїи.

Жидя Ярона оцѣдженно, щобы свѣдѣлъ пѣль мѣсѣца и заплатилъ 50 червонцѣвъ, що го и не минѣло; Иванъ же ѡтсѣдѣлъ 2 мѣсѣцѣ и заплатилъ 200 червонцѣвъ кары.

ПРИНОСИТЬ ЛИ НАМЪ ПОЛЗУ*),
 ЯКЪ СЛУХАЕМО ЧАСТЪЙШЕ СЛОВА
 БОЖОГО?

Епископъ Богумилъ сѣдѣлъ си разъ
 въ огородѣ и розмышлялъ о Бозѣ. Солн-
 це похилило сѧ къ западѣ*) и озолочало
 своими лъчами**) деревья огорода; наста-
 ла глѣхна тишина, которю тѣ и тамъ
 перерывалъ шевѣтъ оукрывающихъ сѧ къ
 тѣни деревъ пташкѣвъ. Тогда пристѣпилъ
 къ Епископу якійсь юноша***), покло-
 нилъ сѧ низонько и прогилъ о радѣ для
 оупокоенїа своей совѣсти.

Епископъ началъ го выпытовати,
 ѡтки родомъ, чимъ занималъ сѧ и що
 бы то было, що наибѣльше не покоило
 его совѣсти. Юноша ѡтповѣдалъ на всѣ

*) пожитокъ, корысть, хосень.

*) западъ, захѣдъ, сторона, въ которѣй спочиваетъ
 солнце.

**) пролѣтѣлин.

***) молодой человекъ, парѣбокъ.

пытана ѡтверто и розвмно и рѣкъ: „Все-
милостивый Владыко! я слыхаю съ вели-
кою оубагою и охочо вѣхъ краіныхъ на-
ѡкъ, котрын священники голосатъ по
церквахъ; но горе! зъ того, що чюю,
даже мало могъ си спаматати, и про
тое то оу мене марнѣе слово Божое и
не приноситъ плодѡвъ, а таа безплод-
ноіть слова Божого позбавлаема часто
всакои потѣхи.”

Епископъ выслушавши спокойно ожа-
лающаго са юношѡ рѣкъ съ лагодностию:
„Иди до тамтои онъ хижины; тамъ на
полици стоитъ двѣ шклянцѣ; зъ тихъ
еднѡ возьмишь и менѣ принемишь ю!” Юно-
ша повѣгъ борзенько и сдѣлааъ охочо,
якъ Епископъ повелѣаъ *) мѡ.

Потомъ поѡшли оба до кирницѣ. Надъ
тою рѣкъ Епископъ: „На ти шклянкѡ!
возьми и водою наполни ю!”

*) приказалъ

И наполнилъ юноша.

„Теперь вода выльи!“

Юноша выливалъ.

„Повтори!“

Юноша повторилъ колька разокъ.

Тогда пошелъ го Епископъ съ собою въ огородъ до хижинны и казалъ тѣю шкланкѣ, котрѣ такъ много разокъ наполнилъ водою и выпорожнилъ ю зъ ней, порѣвнати съ тамтою, котра осталась на полици, и рѣкъ: „Теперь ми скажишь, котра зъ тихъ обохъ шкланокъ чистѣйша и менѣйша!“

На тое рѣкъ юноша: „Раздѣе са, що тотя, котрѣю тѣлько разокъ водою наполнилъ емь.“

„Отже видишь, любезный сыне!“ сказалъ Епископъ, „твоя шкланка, хотя мало капель воды въ нѣй задержало са, естъ цѣлкомъ вымита, чиста и мина,

я тотъ дръга чорна, опорошена и не-
 асна! Иакъ съ шкланкою, котрѣ очистишь-
 ешь силою воды, такъ стоитъ и съ челоуѣ-
 комъ, котрый часто сдѣхаетъ слова Божого.
 Хотя бы зъ него ино кѣлька слѣвъ спа-
 маташь си, сердце его однако силою Бо-
 жою поколи очищаетъ са, а вконецъ цѣл-
 комъ чистымъ бывае.

Юноша тимъ оурадокала са и ѡтъ-
 ишолъ съ спокойствомъ дакъмчи Богу
 милости за спасительнѣ надкѣ.

СИРОТА.

(перевѣдъ зъ польского)

Въ одномъ городѣ окрѣжнѣмъ въ
 старожитнѣмъ замцѣ окиталъ хоробрый
 хорѣнжій ѡтпѣщенный зъ войска съ сы-
 номъ одинакомъ, котрый былъ образомъ
 добродѣтели, ообенно же прилѣжности
 и охоты къ надкамъ — има емѣ было
 Ивась.

Не долго тѣшилъ са своимъ отцемъ любезнымъ — бо матери и не тамилъ — бо въ короткомъ времени сѣдоголовый отецъ за недѣжалъ небезпечно. Чѣткѣючи са близкимъ смерти, не тамилъ того передъ сыномъ, но казалъ проити священника мовачи: „Онъ посватилъ ма Богъ сватымъ крещеніемъ, колима оуродилъ са, онъ ми и при кончинѣ живота не откаже своей помочи.“

Поспѣшилъ побожный священникъ: розговорѣвалъ са съ сѣдоголовымъ воиномъ — потомѣ далъ мѣ зъ рѣкъ своихъ хлѣбъ живота. Любашій сынъ мкъ ангель хранитель и на крокъ не отступилъ отца своего.

Болашій отецъ съ чѣткѣвательнымъ оумѣхомъ подалъ рѣкъ сынови и сказалъ благословачи го славымъ гологомъ: „Дорогій сыне, ма дѣтино! оуже очи мои не оузратъ вѣходящего солнца! надѣй-

шла послѣднѣя хвила! но не плачь надъ моею оутратою; я переношѣ са лишь до иной обители, до благои краины — до отца предвѣчнаго, гдѣ ожидаетъ ма вѣчное счастье!” — благословачи рѣкъ: „Прійми мое благословенство — оставлетъ та отца, но маешь отца небесного, тотъ не оставитъ та.” Ослабленныи силы не дозволяли мѣ говорить долше; отпѣчнѣвши хвилю сказалъ: „Дорогій сыне! вѣдь все побожный, добрый и покорный. Люби Господа Бога, отца предвѣчнаго, стѣпай въ слѣды Христа Спасителя — стережи са злого! О Боже! воскликнулъ дальше возносачи къ небу поволокою смерти зѣтменныи очи, стережи го отъ злого, проводи дорогою добродѣтели, оуслыши остатни просьбы отцѣвскаго сердца, которое оуже перестаетъ бити.”

Спокойство ангельское, лѣчи близкой хвалы видѣли са минѣти въ выклѣдѣхъ чертахъ его лица. Оутикалаще еще разъ

любезного сына, влѣпивши въ него очи —
 благословачи цѣлде и рече: „Отець оста-
 вляє та, иде въ лѣшдѣю краинѣ, но ма-
 ешь отца небесного — тотъ не оставитъ
 та — зове ма мати твоа — и тебе мы
 борше чи пѣзнѣйше до себе запросимъ —
 кобыкъ ино тимъ ишолъ пѣтемъ, котрымъ
 мы ходили.

Ивасъ кланѣлъ и молилъ са и оу-
 цѣловавши отца ѡтъ стопъ до головы
 вздохнѣлъ таженько и рѣкъ: „Боже Отче
 всемогѣщій — така твоа вола сватаа —
 прійми мого отца любезного до себе и
 не лишай мене!”

Погляндѣвши ще разъ послѣдній ста-
 рикъ на образъ оумерающаго Спасителя,
 выскѣвшій напротикъ постелѣ — сложилъ
 рѣки и промовилъ догаривающимъ оуже
 гологомъ:

„О мой дорогій Спасителю! Какъ ты
 дѣха твоего порѣчилъ отцѣ твоємѣ, такъ

и та душа мою складаю въ твои руки!"
Замолкъ, смертельна блѣдность окрыла ли-
це его — очи замкнули ся на вѣки....

Любезный сынъ Ивась молилъ ся цѣ-
лѣючи оуже мертвое тѣло. Старанностию
оубогихъ, но честныхъ дробовъ нежюжика
сложенно тѣло по кѣмъ оустакамъ цер-
ковнымъ до гроба, а Иваса тѣлили такъ
могли, при собѣ до якого времени.—

Сирота Ивась оукончилъ тогда третій
отдѣлъ нѣмецкій отлично яко первый ме-
жи оучениками, но не малъ о чомъ даль-
ше оучити ся, и не было на времени тя-
кого благодѣтеля, котрый бы нимъ занялъ
ся. — Пріатели нежюжика были самы
бѣдни и не оумкли томъ сиротѣ дати
радъ.

Едного дня захалъ до того городка
властитель малого сельца, котрый малъ
кѣлькоро дѣтій; найстаршій сынъ числилъ

В лѣтъ — сговорили ся о сиротѣ, ко-
 трый лишилъ ся, о Иваси, тотъ обыва-
 тель хотѣлъ го видѣти — оукидѣвши
 предложилъ одному изъ пріятелей некѣж-
 чика, що го на село возьме.

„Дуже добре” ѡтпоклѣлъ пріятель —
 и Ивасъ не былъ ѡтъ того, а такъ кѣль-
 ка днѣй потомѣ ѡтѣхалъ Ивасъ до того
 обывателя.

Съ початкѣмъ бавилъ ся Ивасъ съ дѣть-
 ми обывательскими якъ нанька — вѣ-
 ровилъ съ наибѣлшою охотою, знаячи,
 що мѣнтъ, но всегда воздыхалъ за на-
 дками, всегда допакши якои книжки чи-
 талъ съ наибѣлшою оувагою, а якъ не
 малъ свѣчки, читалъ при комѣнкѣ. Ще не
 найшла ся така дѣши, котра бы мѣ до ша-
 гта показала дорогѣ; ажъ обыватель прі-
 алъ честного оучителя для сына, тотъ мѣ
 показовалъ такѣмъ по ѡтцѣвски. По оу-
 конченыхъ надкахъ съ дѣтьми оучитель

любилъ читовати книжки до пѣзной поры
а Ивась цѣкавыи осмиѣлилъ съ разъ про-
инти, щобы мѣ далъ якѣ къ чтенію.

„Оумѣешь ли ты читати?“ вопросилъ
оучитель,

„Оумѣю Господине.“

„Откижь ты? и маешь же отца?“

„Не маю оуже нѣ отца нѣ матери —
отецъ мой былъ вонномъ — оумеръ пе-
редъ рокомъ.“

„Ходилъесь до школы?“

„Оукѣнчилъемъ 3. ѡтдѣлъ — се свѣ-
дотѣтка.“

Оучитель прочитавши свѣдотѣтка во-
просилъ: „Чемѣсь не ходилъ далѣ до
школы?“

„Не было о чѣмъ — якъ ино оумеръ
отецъ.“

„А маешъ охотѣ обучити сѧ?“

„О щѣ такъю!“

„Томѣ докре, все що вечерь по на-
щѣ съ паничами — приходи до мене, я
ти бѣдѣ показовалъ — чи маешъ охотѣ
быти священникомъ?“

„И великѣю.“

„Но — но — приходи же що вечерь,
бѣдѣшь обучити сѧ по латинѣ.“

Хлопчина не зналъ, що малъ дѣлати
зъ радости — однако по хвили поѣшолъ
до своего кѣтика, гдѣ сыплалъ, и при-
клакнѣвши молилъ сѧ, прогнати Господа
Бога, чтобы поблагословилъ мѣ — ожи-
дае того вечера, которого надка розпо-
чатись мала.

Черезъ весь день былъ занятый, бо
Панъ не мыслилъ дармо го держати, сло-
вомъ былъ якъ парѣбокъ, бо былъ си-
ротою и тимъ оудоволаалъ сѧ, що мѣгъ
найти макое такое прикѣжище, однако

былъ весьма щастливый, що малъ тако-
го благодѣтеля, котрый прирѣкъ мѣ по-
дати рѣкъ помѣчнѣю въ надкахъ — и
такъ было.

Вконецъ коли учитель оукончилъ
надкѣ съ паничемъ, а Ивасъ опоралъ са
съ роботою своею — розпочали надкѣ ща-
стинко. Дарованїа дѣха и охота череззвы-
чайна пылала въ томъ юноши, оучилъ
са, коли ино мѣгъ. Честный оучитель не
щадилъ своихъ трѣдѣкъ, ни грошей, по-
знавши въ хлопникѣ здѣбнѣсть и лѣво-
ванье въ надкахъ. Старанностїю оучителя
Ивасъ вѣдѣчи на селѣ сдѣлалъ приватно
испытъ зъ 4 первыхъ ѡтдѣлѣвъ гимназі-
альныхъ. Потомъ былъ принѣдженный оу-
читель для ослабленныхъ силъ подакова-
ти за тоѣ мѣстце и выѣхалъ до сто-
личного города не опѣщаючи сироты,
ажъ дѣйшолъ на Богословїе и покатилъ
са. Іакоежь то трогательное было пред-
ставленїе, коли народъ наполнилъ всю

церковь а Ивасъ, онъ сирота, спѣва-
ючи первый разъ слѣжеѢ БожѢ стискалъ
покорномѢ народиви головы? Тогда то
оучитель и нарѡдѢ побожный съ накло-
ненными къ земли головами слѣхалъ
голоса скащенника воскликающога къ
БогѢ; тогда лѣли сѢ слезы пока-
нѣа и жалю, и единымъ гологомъ зашѣ-
кали пѣснь благодарственнѢ въ честь БогѢ,
а сѣбѢ на спасеніе. Видѣло сѢ, що въ
такѢ торжественнѢй хвили загального нат.
хновенїа небо ѡтворилось — и ангелъ ра-
дости и мира снѣйшолъ межи нарѡдѢ.

Бѣдоголовый, старенькѣй оучитель по-
зирае, припоминае сѡбѢ, одѢшевлѢ сѢ
радостнымъ воспламененіемъ, съ прѣятно-
стїю коскрешае въ памяти образы минѢв-
шости — а самое спѡмненіе пережитыхъ
терпѣнѣй днѣсъ напивае го солодостїю —
бо ѡнъ выколисалъ цѣлѡю молодѡстѢ сѣ-
роты ИвасѢ. Прѡчїи дни жита свога за-
кончилъ при сѡбѢмъ возлюбленнѡмъ вос-

питанникъ, хвалачи Бога непрестанно, даковалъ провѣдѣнію за даръ непостижимой благодати его. Кобы то такихъ благодѣтелей много было на свѣтѣ, безъ сомнѣнія не скитало бы са тѣлько сирѣтъ безъ промысла до жита!

ВХОДЪ ПЕРВЫХЪ ХРИСТІАНЪ ВЪ ЦЕРКОВЬ.

Въ первыхъ вѣкахъ по смерти Христовой, якъ ще не многіи народы знали правдивого Бога, были тѣи, котрымъ прѣли вѣрѣ Христовѣ, даже повожни. Хотя въ многихъ краяхъ невѣрныи ихъ оугнѣтали и прогнѣдовали, що гѣрше, въ темницѣ саджали, страшенно мѣчили и карали найострѣйшою смертію, Христіане однако съ наибѣольшою охотою спѣшили на оукрытныи мѣстца, щобы тамъ помолити са Богѣ, не оубажаючи на мѣки, якѣи ихъ ожидали за тое. Потомѣ коли оуже мали свободѣ и могли церкви

СТАВИТИ, СЪ ЯКОУЖЬ ТО ОХОТОУ И РАДОСТІЮ НЕ ХОДИЛИ НА МОЛИТВѢ? ИДУЧИ ДО ЦЕРКВИ ОУЖЕ НА ДОРОЗѢ НЕ МЫСЛИЛИ АНѢ ГОВОРИЛИ О ЧѢМЪ ИНѢМЪ, ЯКЪ О БОЗѢ. А СЪ ЯКИМЪ СТРАХОМЪ И ПОВОЖНОСТІЮ ВХОДИЛИ ВЪ САМЮ ЦЕРКОВЬ, ТО ТЯЖКО ОПИСАТИ.

СВЯТЫЙ ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЫЙ ОПОВѢДАЕ ТАКЪ О ПЕРВЫХЪ ХРИСТІАНАХЪ:

„ВХОДИЛИ ВЪ ЦЕРКОВЬ ЯКО ВЪ ПАЛАТѢ ЦАРА ВЕЛИКОГО, ГДЕ АНГЕЛЫ СЪТЪ ЕГО СЛѢГИ, ГДЕ НЕБО СТОИТЪ ОТВЕРТО, ГДЕ ХРИСТОУ СѢДИТЪ НА ПРИСТОЛѢ, ГДЕ ВСѢ НАПОЛНЕННО НЕВИДИМЫМИ ДѢХАМИ.”

ГДЕКОТРЫИ ЗВѢЧАЙНО СЗВѢЛИ ПЕРЕДЪ ЦЕРКВОУ ЧЕБОТЫ И ХОДАКИ ПОДРАЖАЮЧИ *) МОЙСЕЮ, КОТРОМУ ПОВЕЛѢЛЪ **) ГОСПОДЬ: „ВЪДОЙМИ САПОГИ ***) , БО ЗЕМЛЯ, НА КОТРОЙ СТОИШЬ, СВАТА ЕСТЬ.”

*) ПОДРАЖАТИ; ПОДОБНО ДѢЛАТИ, ЯКЪ ДѢЛАЛЪ ИЛИ ДѢЛАЕ КТО ИНЪИ.

**) РОЗКАЗАЛЪ.

***) РОДЪ ОБЪВЪ, ЦОСЬ ПОДОБНОГО ДО НАШИХЪ ХОДАКѢВЪ.

Первыи христїане приближали ся протое съ наибольшою честию и страхомъ къ свѣтлыи Господней и цѣловали обыкновенно входуачи въ такю порогу церкки и столпы оу престола.

Кесарь Маркіанъ зъ покоры передъ великимъ Господомъ неба и земли николи не бѣжалъ, но все ходилъ пѣшки черезъ оулицѣ народомъ переполненни и безъ вѣликихъ прѣкрашеній царскихъ до церкки.

Кесарь Феодосій объявилъ самъ, що монарха при входу въ церковь долженъ отложить орджіе и вѣнецъ, знамена величїа царского.

Самъ Кароль Великій, кесарь римско-нѣмецкій не бѣжалъ, но ишолъ въ Римѣ пѣхотою до церкки Петра свѣтлого; идучи же до горы по сходахъ цѣловалъ покорно каждый стѣпень, нѣмъ нинь стѣпилъ ногою; а такъ дѣлалъ въ оуахъ

всѣи дръжины своей, тогдашнѣго папы, свѣщенства и народа римскаго.

Коли однако пѣзнѣйше двѣ вѣры началъ малѣти и поединокъ люди якъ бы въ дѣмѣ звычайный ишли въ церковь, оупоминали отци свѣтыи, щобы передъ входомъ до церкви добре си розважили, где, до кого и по що тамъ ити мали.

Такъ говоритъ свѣтый Климентъ, Патрїарха Александрійскій: „Въ церковь должны входить призвоно то до строю и хода, тихо, съ чистымъ тѣломъ, съ чистымъ, на самѣю лишъ молиткѣ зверненнымъ сердцемъ; невѣсти же кромѣ того ще съ головами засоненными.“

ЯКЪ СПРАВОВАЛИ СЯ ДАВНЫИ ХРИСТИАНЕ ВЪ ЦЕРКВѢ?

Пустинники Египетскіи въ Оввансѣ сохраняли въ церквѣ наибольшѣ молчаливостъ. Никто не покрывалъ сѧ, никто не закашлялъ, никто голосно не зѣвнулъ, бо былъ легко инихъ перервалъ былъ въ молитвѣ; не было тамъ чѣти иного голоса, якъ лишь голосъ священника, котрый молилъ сѧ надъ престоломъ приносачи жертвѣ.

Свѣтлый Арсеній клалъ все въ церквѣ за столпомъ, щобы никто не гладѣлъ мѣ въ лице, анѣ онъ на кого не подивилъ сѧ, бо былъ тимъ въ молитвѣ перервалъ сѧ былъ.

Кесарь Θεодосій Великій клалъ все къ церквѣ на колѣнахъ лицемъ къ земли похиленный, щобы оупокоритисъ предъ величествомъ предвѣчнаго Бога. — Такожь

выдалъ такий приказъ : „Перешкодждющїи богослуженїю православиныхъ, си оуже разъ за тоє были карани, должны въ пб-стыню изгнани быти.“

Свѣтый Іоаннъ Климакъ оповѣдає : „Коликомо стоали въ церквѣ на молитвѣ, а нашъ старшїй потерѣгъ, що гдє котрыи говорили съ собою, наложилъ имъ дѣломъ покаянїа, щобы цѣлый тыждень стоали передъ церквою и зъ причины данного сгѣршенїа всѣхъ входящихъ прогнали о прощенїе. —

Свѣтый Іоаннъ Милостинникъ не терпѣлъ того, щобы шептано въ церквѣ и изганалъ каждого, кто неприлично справовалъ ся, мовачи : „Естлихте прїшли тѣтка, щобы помолити ся, не маєте злодупотреблати дѣха и языкъ вашъ на шо иного; естлихте же прїшли тѣ, щобы говорити о непотребнѣмъ, послѣхайте но, шо каже нашъ Господь въ Евангелїи :

„Домъ мой есть домъ молитвы; стережитъ же са, щобысьте не сробили зъ него микинѣ розбѣйничон!“

Свѣтый Григорій Насѣльнскій оповѣдае о своей матери, що николи не обернѣла са плечима до престола и николи не поклонѣла на помѣсть церковный. —

КРЕСТЬ СВАТЫЙ.

Павло былъ то си селанинъ, мкихъ не много на свѣтѣ; не зналъ онъ недолѣ, бо былъ вегда къ щастю; видѣло са, що самое небо спрѣло для него. Богачъ, якого не было близко. Но онъ роздѣлялъ са на господарствѣ, якъ рѣдко кто иній. А при томъ вѣмъ былъ побожный и покорный. Наибольшоу его оутѣхоу было читати въ свѣто и недѣлю въ вечерь писмо свѣтое. Кроме того читовалъ такожь и инии книжки

полезныи*), и для того то оумѣлъ си такъ въ дѣловыхъ мѣхъ и въ мѣрскихъ**) поради ти потребахъ. Богѣды сходили са до него съ найбольшою охотою, а мѣхъ началъ що оповѣдати, приидѣхвали са вѣкъ съ вѣскою оубагою его словамъ побчительнымъ: сами говорили, що Господь Богъ наполнилъ сердце Павла такою мудростію.—

Едногo дня выишолъ въ поле подивити са на зѣбѣже. Обѣйшолъ наоколо свои нивы и повернѣлъ домоу полныи оудовольствя: бо зѣбѣже его было такъ красне, що душа радовала са подивити са на него. Тамъ похилило къ земли золотыи колосы гдѣтоє мѣхъ лѣтъ жито; тамъ плѣнала очи красна мѣхъ тростина пшеница; гдѣ инде вѣдалъ овесъ и листата гречка, словомъ, вѣкъ нивы зародили хорошо.

*) пожиточныи.

**) свѣтскихъ.

„Хвалити Бога” рѣкъ повернувши до своихъ, „оуже нивы цѣлкоу пополовѣли и за парѣ днѣй можъ бѣде выслати женцей до жнива.” —

Мати и дѣти оучѣвши ѡтъ него слова тѣи дѣже оурадовали сѧ. Потомѣ погѣдали всѣ оувеселенни до вечерѣ. Но не долго тѣшили сѧ тою радостію; по короткой часинѣ ненадѣино въ дали лиело и сильный оударилъ грѡмъ. Всѣ тимъ дѣже настрашили сѧ. Самъ Павло поспѣшилъ до ѡкна и дивилъ сѧ въ тѣю сторону, ѡтки грѡмъ чѣти далъ сѧ. Наразѣ стемнѣло якъ бы середѣ ноци; чорныи хмары покрыли синь неба; съорвалъ сѧ вихоръ, загѣдѣло страшно по надѣ лѣсы и дерева и трасъ! грѡмъ оударилъ гдѣсь тамъ о якоєсь дерево, ажъ земля страгла сѧ въ своихъ основахъ. Люндло якъ бы зѣ конвы; дощъ сѣкъ и градъ сыпалъ, ажъ тажко было показати сѧ на свѣтъ Божій, а въ хмарахъ такъ страшно клекло.

тало и гдѣло, какъ колибы цѣлый свѣтъ неба обвалилъ са. „О Боже!“ вздохнула печаливаа мати, оуже вѣ пропало!“ а дѣти зъ страха мало не подмерали. „Господь съ вами, не бѣйте са мои рыбоньки!“ сказалъ отецъ заждренный.—

На другій день повыходили люди въ поле. „О, мои нивы! о, мои конопля!“ кричала гдѣкотрыи, другіи же заломивали рѣвки и плакали расныи слезы за своими огородами и винницями: бо вѣ было спѣтошено и къ земли приплекано. Тогда собирали са поволи люди зъ села коло Павла стоакшого при крестѣ польномѣ, котрый вѣра повалила о землю и переломила на двое. Тѣ стали зойкати и нарѣкати заломдючи рѣвки: „Оуже пропала наша цѣлолѣтнаа праца! дармѣтѣнько тѣлько напотилисьмо са! пропала наша ходоба! пропали и дѣти! Чимъ еде ихъ перезимовати? Чимъ поле обѣкати?“ „Бѣ крестъ!“ казали едни. „Ой! великій то

критъ!" озывали са инїи. Ктои третїи
сказалъ: „Согѣде Павле, вы насъ часто
потѣшали въ днахъ смѣткѣ и недолѣ:
ежели знете едѣк едно слоко потѣхи
въ нынѣшнѣй печали, скажите намъ не-
щастливимъ!"

Павло помыслилъ хвилкѣ и рѣкъ:
„Милыи братѣ! нещастье, котрымъ Богъ
вчера навѣтилъ насъ, естъ правда вели-
кимъ; но кѣкъ пѣти (дороги) Божїи
сѣтъ прости и гладкїи! Богъ николи не
смылае креста на человекѣ; но всегда мы
самыи крестъ дѣлаемъ для себе.”

Окрѣжающїи го люди сѣдокали са оу-
чѣвши тїи слока и казали: „Ваша бегѣда,
любимый Павле, естъ за темна! скажите
намъ такъ, щобымымо зроздмѣли!”

Тогда рѣкъ Павло: „Чи видите тамъ
два кѣснѣ зъ зломаного креста? Пѣкъ
ихъ положѣ такъ, що лаже vzdоль е-
денъ на дрѣгимъ или еденъ коло дрѣгого,

николи съ нихъ креста не бѣде; якъ или
положѣ еденъ крестъ вздолжъ а другій на
поперекъ, тогда снова крестъ сдѣлаеть.
Такъ само стоитъ и съ волею Бога а
людей. Ежели бы наша воля все сходила
са съ волею Бога такъ въ смѣткѣ якъ
и въ день оутѣхи, ежелибымымо все съ
дѣтиннымъ оупоканіемъ поодавали са
провѣдѣнію Божомъ; николи на терпѣніа
и крестъ не нарѣкалибымымо. Скоро же
сбпротивляемъ са воли Божой, къ той
часѣ двигаемъ тяжкій крестъ на плечахъ;
оупадаетъ въ непостоянності и отчаяніе,
и не оумѣемъ си зарадити.” —

„Ала того то, любимыи брата,
оупадѣмо и въ той нѣждѣ на колѣна и
скажемъ съ сватымъ Іовомъ: „Богъ
далъ Богъ взалъ; Богъ може въ деа-
теро вознадгородити; най бѣде ина его
благословенно.” „Такъ есть, най бѣде
благословенно” сказали до слезъ тронѣ-
тыи софѣды. „Онъ есть нашъ крѣхъ отецъ,

онъ знае, що робить, онъ не дасть заги-
нѣти своимъ дѣтямъ.”

Такъ сказавъ Павло, и всѣ розъишли
са потѣшени его мудрыми словами и
перестали нарѣкати.—

САПОГИ.

Въ Багдадѣ жилъ старенькій кѣпецъ,
именемъ Явѣ Каземъ. Былъ то человекъ
дѣже богатый; но при томъ такъ сѣдпый,
що го зъ той стороны въ округѣ кѣльки
миль знали. Ходилъ дѣже обдерто — стара
полатана опанча, на головѣ великій закѣнъ
зъ сѣкна грѣбего, котрого кракѣ роз-
пѣзнати оуже тажко было — то въ его
стрѣй цюденный и сваточный. Найсмѣ-
шнѣйши однако были его сапоги. Оу тихъ
пѣдошкы долги ми набити гвоздями; при-
шкы зъ такъ много латокъ, якъ кафтанъ
дѣвѣвскій, бо въ дѣяти лѣтахъ, ѣтколи
ходилъ въ нихъ, вычерпали шевцѣ Багдад-

скій всю свою надкѣ, щобы не дати имъ розлетѣтиса. Зѣ того были такъ тажкѣи, що въ нихъ зѣ мѣстца не постѣпилъ бы, кто не привыкъ до нихъ, и визирали такъ смѣшно и лихо, що граждане Багдадскіи, сли хотѣли що дже лихого опизати, называли сапогами Казема.

Едного дня въ часѣ тармарка въ Багдадѣ вышоль си Каземъ на площадь и проходжвлялъ са помежи люди занятый мыслами, чи бы не дало що добре сторговатисъ. Тамъ мѣ предложено, щобы закѣпилъ оу нещастливѣвшого кѣпца значительный складъ флашокъ, шкляннокъ и ннихъ соудѣкъ кристальныхъ. И закѣпилъ дже корыстно. Кѣлька днѣй потомѣ доведѣалъ са, що пѣдѣпалъ торговельникъ продающій миро. Той малъ на продажѣ много мира и воды рожевси и былъ къ великѣмъ хлопотѣ. Корыстаючи зѣ нещастѣа человекѣа закѣпилъ оу него товаръ за цѣнѣ о половинѣ низшѣ, якъ сѣ

вѣдакъ заплатилъ самъ зань. Тимъ Каземъ дѣже оурядовалъ са.

Оу кѣпцѣвъ восточныхъ есть такій обычай, що даютъ гостинѣ, естли шо кѣплатъ корыстно. Каземъ не дѣрный былъ выдвати гроши на такѣ дѣрницю; онъ сѣдилъ, шо бы было лѣше разѣ трохи для своей ѡтложити выгоды, и поишолъ до кѣпели, въ котроѣ не былъ ѡтъ давна, ко боилъ са оутраты. Иакъ ино вѣишолъ къ дѣмъ кѣпельный, радилъ мѣ тамъ ктось зѣ его знаемыхъ, шо бы оуже было на времени такъ лихѣ сапоги выкинуть и кѣпити си новыи. „О томъ м оуже долго промышляю,” рѣкъ Каземъ; „но якъ имъ добре придиклю са, ще не сѣтъ такъ лихѣ, шо бы не можъ къ нихъ ходити.” Съ тимъ ѡтъишолъ кѣпати са.

Иакъ онъ кѣпалъ са, надѣишолъ и Кяди*) Багдадскій, а понежи Каземъ бор-

*) сѣдѣ или налѣстникъ.

ше былъ готовый якъ сдѣла, поѣшолъ скорѣйше до избы, въ котрой дубирали са. Заодѣлъ опанчѣ и хотѣлъ взѣти сапоги; гладяе, но на мѣстци, где былъ свои поставилъ, стояли новыи. Дѣляючи, що прѣатель, котрый совѣтовалъ *) кѣ-пяти си новыи, тими сробилъ мѣ не сподѣ-ванкѣ та ихъ даровалъ мѣ, взалъ ихъ нашъ скѣпецъ безъ всякого намышленїа. Борзень-ко вздѣае тай ѡтходитъ. Но нещастѣе такъ хотѣло, що то были сапоги сдѣли. Вый-шолъ и той зъ кѣпели и кличе „сапоги!“ слѣги зывають са и гладяють, но ихъ не находатъ, лишъ гдѣсь тамъ въ кѣти-кѣ старыи полатани и пѣзнають, що то сапоги Казема. Борзенько выбѣгъ за нимъ дѣверникъ и привѣлъ го до Кади, якъ бы такого, котрого съемленно на крадѣжи. Тотъ розгнѣвалъ са на ста-рого скѣпца за такѣ смѣлость и не хо-тѣлъ слѣхати, що говорилъ на свою о-

*) радилъ.

боронѣ, но казаль го тои хвилѣ вѣдѣти до темницѣ.

Щобы не быти каранымъ за позорнѣю крадѣжь и не выставити са на вѣтыдѣ передъ людьми, мѡгъ по обычаю восточнѡмъ грошми окѣпити са. Но такій окѣпъ стоаль не разѣ за дорого. Щожъ было дѣлати? Жаль грошій, но вѣтыдѣ, котрымъ былъ покрывъ са былъ, естли былъ крадителемъ сѣдѣль къ казни, вымѡгъ на нѣмъ тоє, що высыпаль много грошій за свое освобожденіє. Мѡгъ былъ сто паръ сапогѡвъ кѣпити си за тоє, що зложилъ за окѣпъ.

Вернѣвши домѡвъ помѣстилъ са строго на виновникахъ свого нещастя. Съ гнѣвомъ кинѣль сапоги въ рѣкѣ Тигеръ, котра плыла по передъ его ѡкна, въ надѣи, що пойдѣтъ съ водою и бѡльше не покажѣтъ мѣ са на очи. Но сѣдѣба иначи сѣдила. Кѡлька днѣй потомѣ за тѣ,

нѣли рыварѣ сѣтъ на рѣкѣ, тагнутъ, но сѣтъ такъ тажка, що годѣ ю притагнути до себе. Гадали, що зловили скарбѣ и то великій. — Про тоє напружали кѣ свои силы и тагнули. Вытагнувши такъ сѣтъ на берегъ, вѣжатъ, розмотѣютъ и позираютъ цѣкаво, чи сребро или золото; но горе! мѣсто скарба найшли сапоги Казема, котрыи своими гвоздями сѣтъ такъ подѣравили, що ю долго потребовали направлати, нѣмъ могли ю снока наставити. Полни злости и гнѣва къ Каземѣ и сапогамъ его кинѣли ихъ прѣстѣѣнько до ѡкна, котрое было тогда отверто. А противъ того ѡкна стояло на нещастѣе кѣ закъпане шкло наполнено миромъ и рожкою водою. Тажкѣи ѡтъ латокъ и гвоздей сапоги спавшѣи на тоє повили го на кѣнѣ и весь дорогѣи пливъ розтѣкъ са по помостѣ.

Не долго потомѣ вѣйшолъ Каземъ къ тѣю комнатѣ обчислаючи въ мыслахъ *

заровокъ, якій плынъ принести малъ мѣ.
 Стѣпае, а пѣдъ ногами мокро; тилъ
 смѣшалъ са и смотритъ, цобы то бы-
 ти мало. Оузрѣвши шкло по земли по-
 рокидане кѣнами и плынъ дорогій, зъ
 которого корысти числилъ передъ хвилъ-
 ковъ, порозливаный по помостѣ, а на
 мѣстци, гдѣ шкло стоало, сапоги по-
 важно спочиваючи, зякричалъ сердито:
 „Тамъ чортъ съ сапогами! не дявно мѣ
 ихъ выкинулъ въ рѣкѣ, а оуже снова тѣ-
 тай на мою гивель! О, не дѣждаете вѣль-
 ше дѣлати ми пакостъ!“ Сей чамъ взялъ
 за рыдель и поспѣшилъ къ огородъ съ
 сапогами пѣдъ пяхомъ. Борзенько кыко-
 палъ мѣ, кидаетъ въ ню сапоги и зясы-
 паетъ землю, цобы не дивили са вѣльше
 на свѣтѣ Божій. Тилъ часомъ, якъ онъ
 занималъ са похорономъ сапоговъ, ви-
 новникѣ такъ великого нещаста, сто-
 алъ содѣдъ, съ котрымъ долго жилъ въ
 ненависти, при ѣкнѣ позираючи на ого-
 родъ. Дивитъ са, а нашъ скѣпецъ въ

огородѣ землю перевертае. Гадавъ, що Каземъ найшолъ скарбъ. Повѣгъ про тоє до намѣстника и сказалъ мѣ, що соудъ Каземъ выкопалъ въ скоѣмъ огородѣ великїи гроши. Ничого кѣльше не было потреба, щобы вѣзѣдити въ намѣстникѣ мысль лѣкакѣ корыстолюбїа. Сей часъ приказалъ гайдѣкамъ, щобы привели чело-вѣка. Поглядѣши розказамъ своего господина пѣшли и вѣдѣтъ некиинного якъ бы м-кого злодѣа. Каземъ хотѣлъ изкини-ти са; вѣдѣчи однако, що гайдѣки не жартовали, иде и ставить са передъ на-мѣстника. Даремно божилъ са передъ нимъ, що не найшолъ ничего, лишъ закопалъ свои сапоги, котрыи завзато прослѣдова-ли го. А коли то не помагало, пѣшолъ, выкопалъ проклатый вороги и принѣтъ ихъ передъ судъ; но намѣстникъ, котрыи чи-галъ на его гроши, не далъ си и слова сказати. Такъ былъ Каземъ снова при-нѣженныи окѣпити са великими грѣш-ми.

Полный отчаяніа*) оудалилъ са отъ наміѣтника трымаючи въ рѣкахъ доро-
гѣи сапоги и проклинали ихъ, на чомъ свѣтъ
стоитъ. „Громъ бы васъ оударилъ, вы чор-
тѣвское нагѣна!“ сказалъ гнѣвно, „що?
маю ли васъ ще на бѣлышѣ ногити гань-
бѣ?“ То сказавши вергъ ихъ до водово-
да**) недалеко палаты наміѣтника. „Тѣ-
перь,“ рѣкъ, „о васъ и слыхъ загине; вы-
дерлискте ми кровавѣю працю.“ Но на не-
щастѣ сапоги оупали въ замѣленѣ трѣ-
бѣ водавода. Тѣлько треба того было, що-
бы вода спинила са; вкоротцѣ вода выстѣ-
пила и залѣла склепъ наміѣтника. Вѣнды
насталъ страхъ и замѣшательство; коло-
дазникѣкъ потагненно къ отвѣчатель-
ности. Пересмотрили водоводы и найшли
на щастѣ въ наидлѣ сапоги и тимъ
оправдали са. Властителѣ сапогѣвъ снова
прикликано и поставленно передъ сѣдѣ. А

*) розпачи.

**) Ни мѣстца, въ котрыхъ нѣтъ воды, спровадже
са вода погидствомъ трѣбѣ, а тѣмъ зовѣтъ са
водскладми.

понежи то давало позоръ, що хотѣлъ такъ помѣтити са на намѣстникѣ за свои гроши, кверженно го въ темницу, зъ котрон ледва бѣльшимъ мкъ перше освободилъ са окѣпомъ. Но сапоги назадъ мѣ зкверненно.

„Ахъ долежь моя несчастная!“ рѣкъ скѣпецъ, „щожъ м бѣдныи пѣчнѣ на Божомъ свѣтѣ! Грѣмъ бы трѣсъ тое чортѣвое насѣнье! Где ихъ не погѣешь, вюды зѣйдѣтъ! Ждннно, пѣйдете съ дымомъ! Понеже али, „то рѣкъши важилъ ихъ въ рѣкахъ,“ вы такъ дѣже облѣплени намѣлоу и водоу напоенни, позволю вамъ ще трохи свѣтла солнечного и освѣщѣ на кереѣ своего дома, бо въ дѣмъ не понесѣ васъ.“

Потомѣ вылѣзъ на плоскѣй верхъ своего дома и тамъ положилъ ихъ. Но судьба лихаа ще прослѣдовати го не переставала; послѣднѣй оударъ, котрый го,

товили для него, были отъ всѣхъ чин-
тажшій.

Петъ согбѣя оузрѣлъ щось на верѣ
его дома лежащего. Якожь тамъ выдра-
палъ са и зачалъ баквити са сапогами ок-
гризбючи ихъ на около. Що взалъ сапогъ
въ пащѣ, тотъ мѣ зъ збѣвъ выпалъ и
отлетѣлъ далѣ отъ него. Вконецъ сидѣлъ
са на край верха и ледва що не оупалъ
на землю. Не долго потомѣ цѣлкомъ сидѣлъ
са и оупалъ некѣтѣ, котра тамъ
тѣды переходила держаши на рѣкахъ дѣ-
тинѣ простѣтѣнько на головѣ. Некѣста
покотилась а дѣтина выпала ѣи зъ рѣкы
и оупала на камѣнь. Тои человекъ за-
нѣсъ передъ сѣдѣ жаловѣ, а Каземъ дол-
женъ былъ ще бѣльше терпѣти, якъ дав-
нѣише, бо его сапогъ оубилъ двоє людѣи.

Якъ прочитано карѣ, роздѣветвилъ
са Каземъ и промовилъ такъ жалосно,
що тронѣлъ самого сѣдѣю: „Сѣдѣи спра-
ведливости,” сказалъ, „всѣ вамъ дамъ и

потерплю, на що осудите ма, ино прошѣ
о защитѣ справедливости противъ тимиъ
зататымиъ корогамиъ, котрыи сѣтъ ажъ
до той години винокъ вѣсго смѣткѣ и не-
щаста моего. Такими сѣтъ сестѣ сапо-
ги; они высталили ма на ганьбѣ и приве-
ли въ оубожестько, ба въ небезпеченство жи-
та, и кто знае, що ще готѣють на мене. Бѣдѣ
справедливѣ, благородный Кадѣ, и оукончи
такъ справѣ, шобы кѣе нещастыѣ, мкое
нанесли и безъ сомнѣнїа хотатъ ще на-
нести на мене, не менѣ, лишъ и мѣ при-
писано!”

Бѣдѣа не мѣгъ ѣтказати его про-
шенїю. Задержалъ оу сѣбѣ нещастны сапо-
ги — тихъ напастникѣвъ Казема и не-
покоителїей общого (загального) и дома-
шнѣго сѣпокоа, старомѣ же Кеземѣ далъ
такѣ надкѣ, що правдива щаднѣсть со-
стоитъ въ тѣмъ, шобы гроши лишъ мѣ-
дро оупотрѣблати, и не хтиво соби-
рати.

МОЛОДЫЙ ЕВКЛИДЪ.

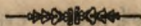
Въ Мегарѣ, городѣ (мѣстѣ) двѣ мили отъ Атинъ отстоящомъ, жилъ юноша, именемъ Евклидъ. Хотячи чого полезнаго научити са перебивалъ раднѣйше въ Атинахъ какъ въ Мегарѣ. Въ Атинахъ жилъ тогда Сократъ, человекъ дѣже мудрый и глбоко оученный. До того горндля са вса молодежь города Атенъ и его окрестности на надкѣ: оучилъ бо такъ, какъ никто другій. Не долго потомѣ похварили са были Атенчики съ Мегаранами и постановили оукрати смертїю каждого Мегаранина, котрый бы осмѣлилъ са поквитисъ въ ихъ столицу.

Вѣсть таа дѣже заимѣтила молодого Евклида. Онъ не желалъ ничего бѣльше какъ оучити са отъ Сократа; но тѣ ходило мѣ о головѣ. Долго кагалъ са; но вконецъ охота къ надкамъ перемогла приказаннѣсть къ житю.

Щобы не оуближити постановленію Атенчико́въ загадалъ що вечеръ тайно ити въ городъ ихъ. И такъ началъ дѣло. Шо вечеръ, якъ ино солнце спочило, одѣвалъ са въ женское платье и ишолъ такъ перекранный зъ Мегары до Атенъ, двѣ мили дороги. Заишовши тамка спѣшилъ до обиталиця Сократа и оставалъ оу него кѡлька годинъ прилѣхючи са его оученію. Якъ стало свитати, верталъ назадъ доми́въ.

Такъ не выстаклалъ са на небезпеченство жита и заіпокоилъ свою охотѣ къ навкамъ.

ДОБРОМЫСЛЬ, ТРЪДОЛЮБЪ И
ПИРОВИЧЬ.

Середъ хлѣбородныхъ полъ плодono-
ной ровнины подгôра Карпатскаго сто-
ла давныхъ давень на отсторону неке-
личкаа хижина, котрой мѣстце оуже дав-
но поросло мохомъ. Въ нѣй обиталъ че-
стный селянинъ, именемъ Добромысль.

Той малъ двоухъ сынôвъ: Трѣдолю-
бя и Пировича. Желаячи тихъ въ лдшомъ
отъ себе видѣти состоанію загадалъ по-
мылати ихъ до школы.

Въ дали жкихъ двое вѣртанъ оттамъ
стоало надъ рѣчкою село, а въ нѣмъ
на горбочкѣ близъ церкви школа, зъ кс-
трон оуже не еденъ вышолъ на священ-
ника. — Въ той мали и сыны Добро-
мысля повирати надкѣ.

Нѣмъ ще позвозилъ зѣже съ пола и поскладилъ въ обороги, а оуже настигли оубѣнъ, тое то время, въ котрѣмъ надки розпочинають са по школахъ. Добромысль, якъ може, съ роботою порас са, бде на базарь, кѣпде для сынѣвъ чоботата и справлае скитки, шобы мали въ чѣмъ ходити на надкѣ. А въ школѣ якокъ не красно жити са бою или обдерто.

Прибракши ихъ такъ шо до тѣла хотѣлъ, шобы такожь дѣха свого прибрали въ красотѣ надки. И рѣкъ прикликавши ихъ до себе: „Мои рибоньки! Видите, якъ то м тажко працюю; вѣтаю, скоро когдѣтъ запѣе, и пѣзно идѣ спати, а однако вѣе не такъ боу мене, якъ боу людѣй! Инѣи люди, хотя може легче працюють, мають бѣльше вѣего; кѣды ино поведѣшкѣ окомъ, вѣяды ладъ боу нихъ — бо они на-

бчили са зъ книжокъ, якъ должно господарити. Отже щобы и вылучше отъ мене оумѣли господарити, до школы посылати васъ мышлю. Тамъ научитеса роздѣма. Завтра заведѣ васъ.”

Трѣдолубъ, цѣкавый хлопчина, дже оутѣшилъ са оучѣши тѣи слока отца лубезного; но не такъ Пировичъ, котрый былъ лѣнивый. Той тимъ дже заимѣтилъ са тай болккнѣль си подъ носомъ: „Ще тамъ чогось старомѣ забягае са! и не бѣдѣ оучилъ са!”

Трѣдолубъ поцѣловалъ отца въ рѣкѣ и даковалъ за вѣсть такъ прѣятнѣ. Цѣлѣтнѣнскій вечеръ въ дѣтѣ школоу былъ занатый. На другій день, скоро ино когдѣ запѣалъ, провѣдилъ са, бо цѣлѣночь снилъ о школѣ, съорвалъ са борзенько съ постелѣ, оумилъ тварь и рѣки и молилъ са съ сложенными рѣками до Отца небинного, просачи горачо, щобы

поблагодарилъ начинаемое дѣло — помолвившись помогъ отцѣ на хлѣбѣ размолоти, понапивалъ ходовѣ и ждалъ съ нетерпеливостію той хвилѣ, котрой отецъ до школы завести малъ ихъ; Пировичъ же спалъ на постели, а закозванный отъ отца, цобы ставалъ до работы, обернулъ са на бокъ другій и спалъ храпяючи, ажъ солнце въ окно зашвѣтило; потомъ, якъ отецъ сталъ сварити, зболѣкъ са поволи и ридъ нерадъ началъ оумивати са позѣвючи непрестанно и былъ бы такой не молилъ са, якъ былъ мѣ отецъ прѣтомъ не нагрозилъ былъ — но и такъ онъ не помыслилъ о Бозѣ, бо свернулъ очи на великій горницъ, въ котромъ обѣдъ варилъ са.

Пообѣдали и Добромыслъ завѣлъ сыновѣ до школы. Теперь въ Трѣдолуба дѣша вѣтѣпила. Скоро перестѣпилъ черезъ порогъ, склонилъ са низонько цѣлѣючи въ рѣкъ выходящаго учителя и оуѣлъ спо-

койно и съ радостію на мѣстци, котрое
 оучитель назначилъ мѣ. Пировичъ колѣкъ
 са поволи оставчи все по задѣ, не хотѣлъ
 ити до школы, и ледва отецъ затагнѣлъ
 го тамже. Но нкое различіе! Стѣпавъ
 неохото то сяды то тѣды позираючи и
 стоитъ, якъ столпъ, съ роззавленными
 ротомъ*). Оучитель велить сѣсти. Пиро-
 вичъ точить са и сѣдае; сперь са ко-
 родою о рѣкъ спертѣю на лавцѣ сѣдитъ,
 махае ногами и позѣвае. Такъ различно
 розпочали оба надкѣ.

— Трѣдолюбъ вернѣвши зѣ школы оу-
 чилъ са краиненько, а надчивши са, що
 задалъ оучитель, помагилъ отцѣ въ го-
 сподарствѣ. Въ короткомъ времени оумѣлъ
 читати а незадолга и писалъ хорошо.
 Оучитель за тоє дѣже полюбилъ го. Не
 минѣло ще два лѣта, а оуже такъ прѣ-
 дчилъ са, що читалъ въ церквѣ Апостолъ,

*) гѣбою, оустами.

Николи не опдістивъ въ свѣто и недѣлю
 богослуженія *); чи слота, чи погода,
 все ходилъ охочо до церкви. Тамъ онъ
 оубажно придивляль сѧ, що дѣлалъ дакъ
 въ крылогѣ. И що былъ цѣкнхый до вѣ-
 го, перевыкъ въ скорѣ такъ, що мѡгъ
 самъ ѡтпѣвати сиджед Божѣ; а нѣмъ
 скѡнчилъ надки въ сельскій школѣ, по-
 роздмѣлъ добре оутреню, вечерню и иное
 Богослуженіе церковное. Все спѣвалъ съ
 дакомъ на перемиѣнд. Оукѡнчилъ и надки
 въ сельскій школѣ. Тогда взалъ сѧ рев-
 но**) до господарства. Отець тѣшилъ сѧ
 такъ добрымъ синомъ.

Пировичъ не поійшолъ николи до шко-
 лы безъ хлѣба за пазѣхою. Іакъ надчалъ
 оучитель и инїи дѣти слѣхали оубажно,
 онъ скрыль сѧ за дрѣвгилъ, вытагнѣлъ
 свѡй кормъ зъ мѣтца оукрытїѧ, кѣсалъ
 и ѣлъ, позираючи оубажно, чи не дивить

*) набоженствѣ.

**) оусердно, вѣрми силами.

са оучитель. То не оуйшло быстрою окъ оучителя, напоминалъ го, а коли то не помагало, взалъ са до средства острѣйшого — до прѣта — якъ али и то показалоь безъовощнымъ, радилъ Добромыслъ, щобы взалъ си домѠвъ лѣнивца. Отецъ тимъ дѣже зажѣрилъ са; розваживши однако, що сынъ Пировичъ мѣсто оубажати ще дрѣгихъ перерывалъ въ надцѣ, оуслѣхалъ рады оучителя и Ѡтъобралъ лѣнивца зъ школы. Но и дома не малъ потѣхи зъ него: не хотѣлъ робити. Все съотцемъ сварилъ са, и лишъ ѣлъ, спалъ или волочилъ са по селѣ. Смѣтокъ и грызота для отца чѣвѣткенного! Не разъ воздохнулъ таженько и сказалъ самъ до себе: О! Боже, чомъ караешь ма тимъ выроднымъ сыномъ?” пригадавши си однако на любезного Трѣдолуба снока оупоконилъ са.

Середъ такого смѣткѣ и оутѣхи старикъ занѣджалъ — оуже и вѣкъ похи-

лилъ го, бо пережилъ пать деатовъ, а до шестои мало що нѣставало. Чѣвѣткѣ-мучи са близкимиъ смерти призвавъ сыновѣ до себе и не памятаючи на тое, много оутерпѣлъ зъ причины Пирокича, роздѣлилъ ихъ на половинѣ вѣтъ, що Господь даялъ мѣ; оудѣлилъ окомъ отцѣвское благословенство, напоминаючи при тѣмъ Трудолуба, щобы до кѣнца выдержалъ на дорожѣ, котрою ити началъ, Пирокича же, щобы разъ опаматалъ и покаалъ са, — и спочилъ въ Бозѣ.

Похоронили тѣло. Теперь начали оба брата господарити, каждый на своей частѣ.

Пирокичъ, котрый не навукъ до работы, и тѣлько любилъ вѣти, спати, и проходжѣвати са, спродалъ частъ свою и поѣшолъ въ чѣжинѣ съ грѣшми. Тамъ ходилъ зъ базара на базаръ и жилъ выѣтавно. Въ коротцѣ найшли са и прѣ-

атилѣ, во малѣ гроши. Въ тими пиро-
виль, потомѣ стали напикати са и оубѣлѣ
для бѣольшон выгоды наостатокѣ въ го-
родѣ. Въ томѣ находило са много жи-
дѣвъ, котрыи продавали горѣлкѣ.

Добѣдаявши са о томѣ, що новыи
житель — Пировичь — малѣ много гро-
шій, зачали на передѣ чинити, якѣ бы
ихѣ оуже мали въ своихѣ рѣкахѣ — по-
томѣ загадали свабити гостѣ до себя.
И то не было тажко, во чѣли, що лю-
билѣ горѣлкѣ. Кѣды ино обернулѣ са Пи-
ровичь, вѣуды ѡтбивали са о его оуши
голосы постатей пейсатыхѣ вызирающихѣ
зѣ дверій наполненныхѣ смераюхоу хатѣ
еврейскихѣ: „Прогиммо гостѣ! про-
гиммо! Господинѣ Пировичь до
назѣ не ласка? Оу мене добра го-
рѣлка — съ перцемѣ — съ имбир-
ромѣ — съ гвоздиками — чи-
ста шѣмѣвка анишкова!“

Пировичъ оуже и такъ навыкшій до
 парѣхи кѣдѣе охочо, а заставши тамъ
 сердечныхъ дѣлѣвъ сѣдѣе за столомъ
 на ослонѣ и пѣ трѣтинѣ. Люди порали
 са коло работы; едни въ поли коло хлѣ-
 ба, дѣгѣи въ городѣ занати розличного
 рада ордѣками, кѣман рѣхъ, ажъ адша
 радовала са; но оу одного Пировича по-
 тимѣло — дла него не свѣтило прѣ-
 атное солнце — онъ за столомъ оу
 Мошка пѣе та пѣе. — Согндѣ са, мкѣ
 дѣга, волтае щокъ пѣдъ ногомъ, и анѣ
 онъ кого, анѣ его никто не роздѣмѣлъ.
 Лѣдка выболкндѣ: „Горѣлки!“ и то
 незроздѣмѣтельно. Но Мошко не ждалъ,
 поки не закличе; скоро ино потерѣгъ,
 шо порожно въ флащѣ, надалъ мгно-
 венно свѣжон и такъ николи къ нѣи не
 выохло. Прѣателѣи коло него множество;
 еденъ хвалилъ его оуродѣ, дѣгѣи оуди-
 валъ са его мѣдрости, инѣи чѣдовали
 са надъ его выговорливостію и быстро-
 дѣіемъ, коротко каждый потерѣгалъ на

нѣмъ шось череззвычайного, а онъ за тое горѣлкою четвокала ихъ. И липли до него якъ тѣи мѣшки, котрыи лѣтяють по надѣ цвѣткою, поки зъ ней остатнѣи капли не выйдуть, а потомѣ на индѣю отлѣтяють — ажъ пропиль гроши и здорова за столомъ оу жидѣ.

А коли не стало за що пити, Еврей вытрѣдилъ го зъ хижи и заперъ двери. Пировичъ, онъ Господинъ, котрого передъ часинокъ просили до себе, лишивши гроши и силы на ослонѣ оу Жидѣ пѣйшоль межи люди просити хлѣба. Ходилъ отъ хижи до хижи и просилъ милостынѣ. Христѣане милосердачи са надѣ несчастнымъ давали мѣ то хлѣба, то сыра, то грошѣй.

Наскєравши такъ вѣго до колѣ поспѣшилъ до корчмы и пилъ, ажъ зъ пѣмѣти го выкинулъ. Тогда жидъ за дери го выволѣкъ. Онъ хотѣлъ ити, но

оупалъ на мѣстци и лежалъ на гною. Продръмавши са хвилькѣ всталъ и хотѣлъ ити, кѣда? самъ не зналъ. Заволѣкъ са на пясковиско и прѣйшолъ надъ рѣчкѣ, черезъ котрѣ вела кладка. На тѣю стѣпаяе и падае сколибавшись въ водѣ.

Тамъ закончилъ пясмо жита мѣрзеного водою залѣанный. На днѣ въ рѣчкѣ лежалъ, ажъ дна третого вода на мильзнь го выкинула, где псы и короны съѣли его тѣло.—

Трдолоубъ пѣйшолъ до церкви и далъ на парастасѣ и слѣжеѣ Божѣ за дѣшѣ родича. Тамъ воздихалъ сердечно и молилъ са горячо за оупокой дѣши невѣжника лѣючи расныи слезы въ смѣткѣ и печали. Свѣщенникъ съ дѣкомъ заспѣвали „вѣчная память” и заревѣли зконы жалостнымъ голосомъ — а онъ въ смѣткѣ погрѣженный ѡтъишолъ домѣвъ. Тѣще разѣ горко заплакалъ; но подѣмав-

ши трохи сказавъ: „Така вола Бо-
жа, най вѣдѣйма его благосло-
венно!“

И оупокоилъ ся. Теперь постановилъ
си твердо оудостоити ся имени небѣж-
чика родича. Про тоє то взялъ ся широ-
до роботы. Не гадалъ онъ ино такъ под-
держовати господарство, якъ отъ отца
наслѣдилъ го; но желалъ горячо подне-
сти, о кѣлько бы въ его силѣ было. А
для того вѣтавалъ все съ першимъ когдѣ-
томъ до роботы и робилъ до пѣзной
ночи.

Оуже на початкѣ загадалъ гдѣщо по-
правити. Щобы однако не дѣлати опы-
та самомѣ на себѣ, замислилъ въ книж-
кахъ глѣдати порады — зналъ бо добре
на книжцѣ. И не завѣлъ ся. На самыи
передъ свернулъ свою оубавѣ на хлѣвѣ,
котрымъ, якъ оу насъ по найбѣльшой ча-
сти, были не пооблѣплани. Незадолга по-

мишилъ и пооблѣпалъ такїи, щобы были тепли на зимѣ; обѣоралъ кѣсень пола на загѣменькѣ и загадилъ дикими пѣнѣчками, на котрыхъ пѣзнѣйше защѣпилъ галдзки овощевыхъ дерекъ, и оправлялъ поле на такїи ладѣ, мѣ то въ краяхъ заграничныхъ, гдѣ всакїи оумѣ читати и писати.

Настала осѣнь, а оу него наибѣльше хлѣба — еденъ, дрѣгїи и третїи оборогъ полнѣтѣнскїи звѣжа. За кѣлька лѣтъ-са и красна пасѣка, а нѣмъ ще надѣалъ са, и садъ оуже такъ мѣ зародилъ, що вѣ мѣ диковали са. Стали говорити: „Онъ не самовитый!“ И Богъ знае, чого не плели о нѣмъ — бо малъ са добре, а они своимъ роздумомъ нїакъ не могли понати, ѡтки то походило.

Не оуплыло ще десятъ лѣтъ, а нашъ Трѣдолубъ такъ доробилъ са, що кѣпилъ си келикѣю нивѣ. Теперь ще кѣль-

шій пожитокъ. Загадавъ про тое на инѡй дорозѣ гладати щита и не ошнѣъ сѧ. Забралъ пшеницю на статки и поплылъ Днѣстромъ до Одесы. Тамъ спродалъ ю за великїи гроши. Вертаючи закѡпилъ въ Мѡльтанахъ стадо волѡвъ подольскихъ, прикормилъ и ѡтѣставилъ до Галамѡца. ТѢ снова новыи корысти.

Трѡдолжѣъ хотя такъ богатый, однако не былъ пышный. Показалъ вѣхъ рѡвно, такъ богатою жкъ и бѣднаго. Покора то была его вѣрна дрѡжка, котра го николи не ѡтѣспила. Одѣвалса правѣ такъ жкъ и дрѡгїи селане. Долга опанча съ колмѣремъ стоащимъ и зъ сѡкна домовои роботы, пасовыи чоботы на пѡдковахъ и высока сива шапка, сѧ его стрѡй единственныи. Въ свѧто и недѣлю не видѣлѣсь го въ горѡдѣ; ѡнъ тогда спѣвалъ съ дакомъ или молил сѧ въ церквѣ, котрѡ самъ сѡбѡдалъ за свои гроши на мѣстци

старон , котра оуже грозила паде-
ніємъ.

Въ конецъ поѣхалъ до Кіека кѣпи-
ти золотый крестъ и чашѣ до нового
храма; тамъ познакомилъ ся на Подѣлю
съ чистною родиною , котра лишъ еднѣ
донькѣ мала, и съ тою оженилъ ся. За
женою взалъ красное вѣно и вернувши до-
мѣкъ жилъ съ нею щастливо и спокойно
примѣромъ для цѣлои окрестности. Богъ
благословилъ го и люди го любили и по-
важали, бо замѣжилъ си на тое.

ЖАНТЪ И ЕЗОПЪ.

Жантъ былъ то мудрецъ въ старинѣ,
котрый мналъ много оученикѣкъ. Тогда
торговали людьми, якъ теперь скотомъ.*)

*) Скотъ : ходока , товаръ.

Народъ дѣлилъ ся на свободныхъ и не-
свободныхъ или невольникѡвъ. Невольни-
ками бывали по наибольшой части кон-
ны попакшии ся въ програнной войнѣ
побѣдителю въ рѣки, котрыхъ продавано
потомъ, и кѣ дѣти оуродженни ѡтъ не-
вольникѡвъ. Кто кѣпилъ си такого, мѡгъ
го назадъ ѡтпродати или для себе оу-
потребити до оправы пола или дома и
малъ надъ нимъ такъ власть, якъ те-
перь господарь надъ скотомъ, такъ, що
могли ихъ такой смертїю карати. Оу-
добрыхъ господинѡвъ дѣло ся часто и
добре невольникамъ; но горе имъ было
оу злыхъ.

Разъ выишолъ Жантъ на торговицу,
где продавали невольникѡвъ, хотачи си
кѣпити якого. Ходить по мѣжи люди и
привидѣла ся то тамъ то самъ, ажъ
сѡйшолъ ся вконецъ съ человекѡмъ,
котрый малъ Езопа на продажъ.

Езопъ былъ такъ бридкаго, составя тѣла, що го никто не хотѣлъ кѣпити: дѣмали, що въ бридкѣмъ тѣлѣ была и дѣша бридка. Кѣпѣщій звичайно пыталъ са продакаемого, *) шо бы оумѣлъ, и въ мѣрѣ того, шо оумѣлъ невѣльникъ, плаченно за него. Такъ вопрошилъ и ѣантъ Езопя: „А шо оумѣешь?“ „Ради ти господинами“ была его ѣтпо-вѣда.

ѣантъ, котрый не надѣалъ са, шо бы Езопъ былъ такъ быстроумный, по-добалъ го си за тое и кѣпилъ. — И малъ слѣдъ зъ него.

ШО ЕСТЬ НАИ НАЙЛУЧШОЕ ?

Той самый ѣантъ хотѣлъ разъ спра-вити гостинѣ для своихъ оученикѣвъ. Закликалъ Езопя и рѣкъ : „Иди и кѣ-

*) того, кого продавали,

пи, що буде найлучшого." Езопъ поѣшоу и помыслилъ си идѣчи: „Научи мого Господиня менѣйшии давати розказы." Купилъ кѣлька озорѣвъ, прирадиль для гостѣи и поставилъ передъ каждымъ на крѣжкѣ озорѣ печеный съ союмъ.

Оученики были довольни такою стракою, бо означала по ихъ мнѣнїю мзыкѣ, котрый естъ верхокнымъ*) орѣдїемъ выраженїа нашихъ мыслей. Другою стракою поставилъ Езопъ озоры варенны. Зажеланно и стравъ инихъ; онъ все дѣвалъ озоры. „Гакъ то?" крикнѣлъ вконецъ Жантъ срданто кидачи недоволенство своихъ гостѣи — „не маешь ничъ бѣльше, якъ лишь озоры?" „Не маю" отвѣтъ съ спокойствомъ Езопъ. „Гакъ же негѣдникѣ, не сказаль жемѣти, щобысь накупилъ найлучшихъ вещей?" „Красно вамъ Го-

*) голочнымъ

сподине. Ажкѹ, що ми подаєте
слѹчайнôсть къ оправданію са-
къ присѹтствію тôлькохъ фило-
софôвъ. Можешъ быти на свѣтѣ
що лѹшого ôтъ мзыка? Помо-
чію мзыка учимога мудрости и
вѣхъ надкъ, помочію мзыка да-
емо и ôткѣраемъ, прогнимо, да-
кѣмо, боронимо некинности,
караемъ злодѣйство. Онъ спра-
гае сопрѹжества, коаде горо-
ды, чѹвае надъ безпеченьствомъ
человѣка и сохранае мѹ житъе.
Може отже быти що лѹшого
ôтъ мзыка?

Всѣ ученики оузнали правость бытѣ-
ды Езопя и приписали винѹ его госпо-
сподинѹ не дѹже довольни такъ фило-
зофичнымъ обѣдомъ.

Ѣантъ, якъ мôгъ, звиналъ са зло-
стливостію слѹги и прирѣкъ на дрѹгій
день лѹше ихъ погостити. Закликавши

при нѣ очахъ Езопѣ рѣкъ къ нему: „Зак-
тра зваришь другій обѣдъ, но
колишь такій, що перекрѣдѣши
найлучши мои намѣренїа, кѣ-
пижъ намъ на тотъ обѣдъ, що
ино найгѣршого найдѣшь.”

Езопъ накупилъ снова озорѣвъ, по-
варилъ и поставилъ на столъ. Гости при
першій оужѣ стравѣ начали шемрати.
„Іа кто?” казали еднѣ до другаго,
„чижъ все тїи мерзенни озоры!”

Розгнѣванный Жантъ сталъ дѣже на
Езопѣ сердити и рѣкъ: „Що жъ ты
дѣлаєшь мерзеннаа поцваро?
Іа къ казальємъ ти кѣпити що
найлучшого, кѣпилъєшь озо-
рѣвъ; колишь ти снова що най-
гѣршого казаль кѣпити, ты сно-
ва озорами насъ прїймаєшь?”

„Мой Господинѣ!” ѣтповѣль
Езопъ, „а що жъ може быти гѣр-

шого якъ языкъ? Шо розорило
тôлько городôвъ, сгладило тôль-
ко людй зъ свѣта, допѣтило
са тôлькохъ ложей, *) злорече-
ній, неправостй? Языкъ оуничи-
жае краи, наполне житъе го-
ремъ и печалю и приводить въ
отчаянйе?**) —

НАДГОРОДА ЧЕСТНОСТИ.

Въ дали кôлька миль ôтъ Галича,
стародавной столицѣ рѣскихъ Кназей и
теперѣшнего городка ***) не много ôтъ
села розличающога са, жила въ еднôмъ
селѣ оубога вдова съ единачкою донькою.
Една хижина, то вѣ, шо она мала. Рѣ-
ки оуже незаджали робити про старость

*) ложь : брѣхна

**) розпачь.

***) городокъ : мѣсточко.

я нѣжда докѣчала. Въ зимѣ праднїемъ ледки тѣлько могла си заробити, цѣбы охоронити себе и донькѣ ѡтъ смерти. Въ лѣтѣ же ходили на ягоды, а цѣо насбирали, носила донька на торгъ до найблизшого городка, во мати оуже нездѣжала, и кѣповала хлѣба для себе и матери. Едного дня прикликала вдова свою донькѣ и рекла: „Возмешь тѣи ягоды, котрыхъ вчеря насбирались-мо, и пойдешь съ ними на торгъ до...“

Послѣдшя дѣвчина взяла къ рѣкѣ збана съ ягодами и пошла. Зайшовши тамъ продала за десять крѣйцарѣвъ. Завзала гроши къ бѣлѣ хвѣстинѣ, сховала ю за пазѣхѣ и вертала домовѣ, полна радости, цѣо ѣй на торзѣ повело са. Сближаячи са оуже къ скомѣ селѣ хотѣла цѣе разѣ перечислити гроши. Слгнѣла рѣкою за пазѣхѣ; но горе! оуже и мѣстце застило, гдѣ была хвѣсточка съ грѣшми. Выснѣла са ѣй къ дорозѣ.

Дѣвчина тимъ дѣже настрашила са и сама не знала, що мала почати. Боала бо са, щобы не заимѣтити лѣбезной матери, сликы вернѣла безъ грошій. Для того постановила вернѣти са тою самою дорогою, котрою ишла зъ городка, и такъ долго гладати згѣбленной хѣсточки, поки ѣй не ѡтъникаетъ.*) Вертаетъ, иде и пытаетъ, съ кимъ ино сойшла са, чи не найшолъ мкои бѣлой хѣсточки; но кель ѣй трѣба былъ долго даремный, ажъ надѣхалъ верхомъ того села дѣвичь.

Той оузрѣвши дѣвичинѣ заплаканѣ и съ испѣшенными къ земли очима по дорожѣ бродящѣ запыталъ лѣгоднымъ голосомъ. „Чомѣ плачѣшь доню!“

Дѣвчина съ перва не могла говорити зъ жалю и болзни, петомѣ трохи оутихомиривши са **) набрала ѡтваги и

*) ѡтъникати: ѡтняйти.

**) оутихомирити са, оупоконтити са.

розповѣла вѣ, якъ было. Оучѣвши то дѣдичъ розчѣткнлъ сѧ вѣ любовію къ матери и рѣкъ съ прихильностію: „Не плачь моя доню! оупокой сѧ! та найшоль твою сгдѣвъ.”

Дѣвчина ажъ подѣкочила зъ радости; но радѣсть таа скоро къ смѣтокъ перемѣнила сѧ. Дѣдичъ мѣсто вѣ вытагнѣлъ зъ кишенѣ крайнд шолковѣ *) хѣсткѣ и рѣкъ: „Скажи но лѣтко, се ли твоя хѣстка?” „О, нѣтъ, Довродѣю!” ѡтповѣла съ плачемъ дѣвчина, „зъ ѡткижъ бы я взяла такъ красной хѣстки? Моя хѣстина была бѣла, маленька и не такъ красна якъ тота. Ахъ! если было въ нѣй хоть грошій не было, не малабымъ такого жалю за нею, но въ ню забаваламъ то, щомъ оуторговала на хлѣбъ для

*) зъ польки; едварнѣ.

мамѣ и для себе за обузби — раннии годы.”

„Но сего хѣтка истинно твое”, сказалъ дядѣ дѣдичъ, „во вѣнѣи выи заказани гроши; но ихъ вынулъ и сховалъ до мошоньки.” И вынулъ зъ кишенѣ три рѣвлѣ и рѣкъ: „Дики, се тѣи самыи гроши, котрыи ты заказала въ твою хѣтину!” Но дѣвчина сказала отверто и постоленно: „Нѣ Добродѣю!” и начала горко плакати. Видачи то дѣдичъ помыслилъ си въ дѣкъ. „То чѣстне дѣвча” и рѣкъ до ней: „Хота не есть твоею сего краина хѣстина, ты ю мати зислѣжила.” Потомѣ вытагнѣлъ такожь и ей собственнѣ *) хѣткѣ, котрѣ найшолъ на дорозѣ, и далъ ей мовачи: „На маешь, то твое хѣстина, тѣю же

*) зъ польска; власнѣ.

арѣгѣ возьми си съ грѣшми къ надгородѣ за тое, що съ гоко- рила правдѣ не прискоучи си того, що не твое. Какъ былакъ признавала са была до шолковой хѣстки, ни одной ни арѣгой не былакъ выдѣла была. — Бѣда такъ честном и правдолюбикомъ черезъ цѣле твое житье, тогда Богъ и люди любили та бѣдѣть. Я се наибѣольша надгорода для чело- вѣка на свѣтѣ.” —

Въ дѣвчинѣ ажъ душа вѣтѣпила, що ѡтъникала свою сгѣбѣ. Не такъ однако ю то тѣшило, якъ добродѣшнѣ*) дѣвчича. Поцѣловала го въ рѣкѣ дамѣючи просты- ми, но зъ глѣбины сердца походящими словами и хотѣла оудалитиъ. Но добрый панъ не пѣстилъ ей ѡтъ себе, поки не извѣдалъ са о имени и состоанію ей

*) доброе сердце

матери. Чистнотъ, правдолюбїе, дѣтинна
 ѡткровеннотъ *) и вѣжнотъ дѣвкины дѣ-
 личъ такъ дѣже понравила са, **) а пред-
 ставленїе оубожитва матери такъ сильно
 тронѣло его сердце, що замыслилъ ю
 взати до себе съ несчастливою матерею и
 мати о нихъ старанїе. —

Якъ замыслилъ, такъ и сдѣлалъ.
 Ещѣ того самого дня поѣхалъ слѣгѣ сво-
 го до той оубогой родины, щобы прїйшла
 до него. — Съ великою болзней ишла вѣд-
 ма вдова зъ любимую дочкою до двора, не-
 знаючи, що то мало значити. Но якъ
 дѣже оурадовалась оучѣвши ѡтъ того до-
 вродѣа, що хотѣлъ старитиа о ню и о
 ей добрѣ дочкѣ, якъ отиць о свои дѣти.
 Оупала передъ нимъ съ дочкою на колѣна
 и даковали Богѣ за его провѣдѣнїе, а
 потомѣ дѣданюки за его доброе сердце
 прирѣкаючи, що вѣдѣтъ вѣми силами

*) отвертотъ.

**) зъ польки; подобала са.

старати са хотѣ ѿ части оудостоити
са его милости.

И додержали слова. Огобенно дочка
оумѣла своєю оуджительностію и цѣка-
востію позыскати си любовь дѣдички такъ,
що въ короткомъ времени нѣкоторы
оудги въ своѣй комнатѣ препорѣчила
только малѣи Марѣи (такъ было на има
тоѣ дѣвчинѣ.) Марѣа сполнала ти такъ
охочо и точно, що ю дѣдичка въ корот-
цѣ такъ полюбила, якъ бы свою рѣд-
нѣ дѣтинѣ. Я понежи была бездѣтною,
просила своего мѣжа, чтобы ѣи позво-
лилъ добрѣ дѣвчинѣ обѣчати на книжцѣ.

Дѣдичъ охочо присталъ на тое. Тогда
пошла молодѣ Мариню, такъ ю теперь
называла, до городской школы. Тамъ
оучила са читати, писати, числити и
кѣго, чого потреба дѣвчатамъ вышшо-
го сословіа.

Марина въ тихъ надкнхъ такъ по-
стѣдила, що перевижила къ ожиданію
своей благодѣтельки. Вернувши по оуко-
ненію надкъ хорошо воспитана въ доми
своихъ благодѣтелей, оумѣла примѣр-
нымъ житіемъ, невинностію и набож-
ностію сердца ихъ къ себѣ такъ прикло-
нити, що оуказали ю оуже своею дочкою
даждючи Богъ, що не поблагодаривши
ихъ дѣлами оударокала ихъ на старобѣ
Мариню, котра якъ бы родна дѣтина
оупрїятнала имъ дни жита тѣземного.

Коли же Марина прїшла до тихъ
лѣтъ, въ котрыхъ старанныи родичи про-
мышлати зачинають о будщій сдѣлкѣ
и щастію дѣтій своихъ, — коли оуже
Марина окончила осмьнайцѣтъ вѣснъ жи-
та своего, заслюбил ю новии родичи съ
однимъ своимъ сродникомъ, честнымъ
молодцемъ и оуже довольно высоко по-
ставленнымъ оурадникомъ. Я не маючи
близшихъ сродникѣвъ постановили но-

коженцѣвъ послѣднѣю волею наследниками
вѣго имѣнїа своего.

СОНЪ И СМЕРТЬ.

Повратившись съ собою выбрали са
разъ ангелъ сна съ ангеломъ смерти въ
дорогѣ. Дѣло са то подъ вечерь. Сѣли
на крайномъ горбочѣ недалеко селенїи *)
человѣческихъ. Въ округѣ водворила **)
са тишина; отгомонъ законѣвъ вечернихъ
перерывалъ лишь коли николи воздухъ.
Спокойно и молчали сѣли си два бра-
та и нѣчь селижила са. Въ томъ под-
нѣсъ са ангелъ сна съ магенького дер-
на и почалъ сыпати свои дары зъ ро-
гѣвъ, котрыхъ держалъ въ рѣкахъ. Вечернїи
кѣтрики рознесли ихъ на крылахъ по

*) селенїе: мѣстце, где сѣли и жиють люди, отъ
того слова и назва „село“ походитъ.

**) розгостила са, сѣла, паножила.

обителѣхъ оутрѣжденныхъ земледѣльцѣхъ.
 Гнетъ оуколнгалъ всѣхъ сонъ солодкій
 ѡтъ старца, котрый о кій по̀дпиралъ са,
 до дѣткины въ колницѣ. Болащій за-
 былъ о болахъ, нещастливый о смѣткѣ,
 оукогій о нѣждѣ, всѣхъ очи прикрыли по-
 вѣки, кѣ соловіа*) сръвнали сл. —

Исполнивши свою оковазаннѡсть до-
 бротливый ангелъ лагъ самъ по при не-
 заплашого брата. Іакъ замятла зора,
 съѡркалъ са и воскликнулъ радостно:
 „Благословатъ ма теперь люди прѣате-
 лемъ, дѣлателемъ доброго! О якажъ то
 радѡсть творити доброе невидимо! Послан-
 цѣ великого дѣха, также щастливыи есь-
 мо Іакъ краине тихое наше званіе!” Такъ
 казалъ ангелъ сна. Поглавдѣ на него съ
 колеетію ангелъ смерти и притъмненное
 оуже око аза еше бѡльше притъмнило. „Ахъ
 чомѣжъ,” сказалъ, „и я мыслею не мо-

*) соловіе: чинъ, станъ,

гдѣ тѣшити са о благодарности чело-
вѣка? Мене зовѣтъ люди своимъ ворогомъ.”
„Що говоришь, брате,” рѣкъ ангелъ сна;
„чижь и тебе справедливый благодетель-
скими не оуче? чижь не благословитъ
та? не есмь ли братъ отца единого?” —
Такъ сказавъ и око ангела замѣло ра-
достію. —

МЕЛЬНИКЪ, СЫНЪ И ОСЕЛЬ.

Еденъ Мельникъ малъ осла, котрого
такъ замѣчилъ рокотомъ, що почалъ ко-
лати са, щобы не захоу мѣ. Томѣ поста-
новилъ за шобѣды позвѣсти го са. За-
кликалъ сына, котрый малъ близко 18.
лѣтъ, и рѣкъ: „Днесь поженемъ осла на
пурмарокъ; но щобы не замѣчилъ са въ
дорозѣ, на дрдкахъ понесемъ го.” Взали,
положили на дрдкахъ и ова двигаютъ;
но чимъ дальше ишли, тимъ бѣльше осель

тажила имъ. Видачи то люди ишовшии на мармарокъ, почали свѣгати са на мѣ-
 какучикъ зъ нихъ: „Дивѣтъ во : се три ослы,
 а тотъ, що на дрдкахъ, ще найменьшій!”
 Не пріятно было мельникѣ слухати та-
 кѣи оукоры, пѣйшовъ до головы по роздѣль
 и вѣдиль сына на ослы. Видачи то пе-
 реходящѣи люди стали смѣати са зъ
 него рдгаючи са емѣ: „Ты, совако, вы-
 гѣднѣтънько на ослѣ си вѣдешъ, а бѣднѣи
 старикъ иде пѣшки! Тай до кѣкъъ хо-
 тачи сына окложити ними. Но отецъ,
 котрый не хотѣлъ, щобы вито сына,
 сѣдиль го съ ослы и сѣлъ самъ на него.
 Переходили тамтѣды и дѣвчата, дивлять,
 а старѣи на ослѣ, молодой же мѣчатъ
 са пѣхотю. Зиркнѣла една на дрдѣ и
 рече: „Бѣднѣи хлопчина долженъ ити пѣ-
 шо, а дѣднѣко немилостивѣи вѣде си вы-
 годно.” Оучѣвши то отецъ казалъ и сы-
 нови свѣти за сокою на ослѣ дѣмачи,
 що оуже такъ оугодитъ вѣмѣ. Но ледва
 выѣхалъ зъ лѣса, кричатъ снова: „Що

то за дѣраки! а ктожь кѣпитъ ѡтъ нихъ
осла? Не довольно, що бѣдня скотина
принѣдженна тѣжкѣю отѣыкати дорогѣ,
а ще кажѣтъ кѣи двигати такихъ двоухъ
дрябѣкъ: хнеа продадѣтъ скѣрѣ зъ него?"
„То правда," помыслилъ си мельникъ и
сѣли оба и идѣтъ нога за ногою. Лѣдка
що переншли кѣсень дороги, а оуже ѡт-
быль са о ихъ оуши снова гологѣ: „А
ктожь то видѣлъ, що бы осель ишолъ си
выгодно, а ты пѣхотю! Дарѣи, що га-
нимо тѣ, вѣтъ зъ тебе смѣати са кѣ-
дѣтъ, якъ не попрѣкишь са." „Не по-
правлюсь" рѣкъ мельникъ съ гнѣвомъ:
„Довольно оуже тихъ досадженїй; хо-
тѣлъ емъ кѣмъ оугодити, а къ тѣмъ
кылъ емъ нерозѣдательный. Ѳтъ теперъ
не оубажаячи бѣльше на никого бѣдѣ дѣ-
лааь, що ми мѣдарымъ быти оувидитъ са."

Іакъ казалъ, такъ и сѣлалъ и до-
бре на тѣмъ выишолъ.

ЗВѢСТУНЫ СМЕРТИ.

Разъ ишолъ си велить гостиньцемъ и никто мѣ не смѣлъ заступити доро-
гѣ, бо оуже сама его постая набакала
погтрахомъ. На разъ прискочилъ мкѣйск
незнаемый къ немѣ и крикнѣлъ: „Стѣй!
авѣ крокъ зъ мѣтца!“ „Щожъ то тя-
кого,“ запыталъ велить, „чи ты, маль-
чикѣ, не знаешь того, що и та могѣ ед-
нымъ пальцемъ оудѣсити? Що ты за тя-
кѣй, що ѡтповѣдаешь ми такъ смѣло и
оуперто?“ „Смерть“ ѡтповѣлъ незнае-
мый, „менѣ никто не смѣе сѣпроти-
влати са, а для того то долженъ и ты
менѣ покиновати са.“

Велить довѣраючи своимъ силамъ
началъ съ смертѣю перемовлатись. Слово
по словѣ прѣйшло и до сварнѣ а вконецъ
и до борбы. Долго продолжала са за-
татаа борба межи ними, но та-
кой велить выгралъ. Онъ такъ сильно

оударилъ смерть палтѣкомъ по за оуха,
 що тотъ часъ покотилась и гримнула
 коло него о камѣнь на землю.

Велить поѣшолъ далѣ своєю дорогою;
 а смерть лежала на земли стогнаючи и
 такъ безильна, що не здѣжила и под-
 вести са о своѣй силѣ. „Гей, що то вѣ-
 де зъ того?“ рекаа, „ежели тѣ долше ле-
 жати треба. Никто вѣльше не оумре на
 свѣтѣ, а земля такъ переполнить са
 людьми, що не найдѣтъ и на тѣлько мѣст-
 ца, цювы могли стоати еденъ коло
 дрѣгого.“

Въ тѣмъ надѣшолъ дорогою Весель-
 скій. Тотъ былъ молодъ, вызиралъ дѣже
 чертѣво и здорово и спѣвалъ то тѣды
 то суды позираючи якъюкъ пѣсня веселѣ.
 Видачи челоуѣка на пѣль мертвого на
 земли лежаци роздѣвствилъ са такимъ
 видомъ и пристѣпивши къ немѣ подвѣлъ
 го на ноги, закрѣпилъ кропилами, котрын

нѣсъ въ Флашинѣ, и ждалъ на мѣстцѣ, поки болащій цѣлакомъ не прійшоу до силы.

„Знаешк ты,” запыталъ слабый прійшовши до себе, „що я за еденъ и когосъ подкѣлъ на ноги?” „Нѣ!” ѳтповѣлъ Весельскій; я тебе цѣлакомъ не знаю.” „Іа смерть,” рѣкъ незнаемый, „котра не щадить никого, а для того и тебѣ не могу даровати. Щобыкъ али зналъ, що т оумѣю быти благодарною,” *) такъ ми кто сдѣлае що доброго, дамъ ти слово, що не нападеъ та ненадеино, но пошлю до тебе звѣстѣноуъ своихъ, нѣмь сама прійдеъ, щобы та взати съ собою.”

„Добре” рѣкъ Весельскій, „все то корысть, що знаю на передъ, коли прійдешь по мене, бо хоть такъ долго могу быти безпечный передъ тобою. Съ тиль

*) благодарный: вѣдучный.

пѣйшолъ далѣ припѣвѣючи си якъ перше и жилъ спокойно ничимъ не жбручи сѧ. Но кѣкъ молодой и доброе здоровля не долго мѣ слѣдили; прѣйшли болѣ и недѣга и стали го тажко мѣчити. „Оумерти не оумрѣ“ сказалъ самъ до себе, „бо смерть пришла передъ тѣмъ своихъ звѣстѣновъ; теперь тѣлько того желалъ бымъ, цобымъ оздоровѣлъ якъ найскорше.“

Скоро оздоровѣлъ, началъ снова жити якъ дакнѣйше. Глалъ и веселилъ сѧ и николи не помыслилъ о смерти. Наразъ запѣкало мѣ цошь до плечій. Борзо огландѣ сѧ, двитъ сѧ, а смерть стоитъ мѣ за плечима и рече: „Оуже часъ! ходи со мною, бо склижила сѧ година твоей розлѣдки съ тѣмъ свѣтомъ.“ „Іакто?“ ѡтповѣлъ тотъ, ты ты хочешь зломати твое слово? Чижь не приреклахъ ми прислати звѣстѣновъ, нѣмъ сама по

мене прійти малась? Я ж ще и єдного не видѣлъ? То такъ!”

„Молчи!” река смерть, „чижъ не посылааламъ до тебе єдного звѣстѣна по другомъ? чижъ не напала та зимоха и не звалила та зъ ногъ? не крѣтилажъ ти са голова? не шѣмѣлажъ ти въ оушахъ? не ломала тижъ гостецъ костій? не болѣлажъ зѣва? не темнѣлажъ ти передъ очима? Чижъ не припоминала ма тобѣ кромѣ того що вечерь мѣй кратчикъ, — сонъ? — Не была жесь спачи въ ноци подобный до оумершого?”

Весельскій не зналъ, що ѡтповѣсти на тоє, пѣдалъ са сѣдькѣ и пѣшолъ со смертію на свѣтъ другій. —

БОГЪ БОРОНИТЬ НЕВИННОСТЬ.

Въ дали отъ села, на самотѣ, близъ
лѣса жилъ оубогій ткачъ въ покою съ
своею женою, котра помагала мѣ въ ро-
котѣ звыкаючи нитки на цѣвки. Повож-
ногѣ оукрашала ихъ сераца а страхъ
Божій пребывалъ въ ихъ гредѣхъ. Заня-
тыи своимъ дѣломъ спѣвали набожныи
пѣсни или отвѣждалии вездю въ памяти,
що чѣли въ свѣто и недѣлю въ церквѣ.
Было то си сопрѣжство*), акихъ не
много. Правда голодъ докѣчалъ имъ и не
разъ прѣшло до того, що бѣли квасъ везъ
соли; но при томъ были щастливи, бо
мали совѣтъ добръ.**)

Поклагошювилъ ихъ Богъ дѣтми,
трома надѣйными хлопцами. Тихъ кс-
питовали старанно въ страгѣ Божомъ.
Кто принѣсъ до нихъ прѣждъ, не могъ

*) зъ польска : малженство.

**) зъ польска : смѣна.

натѣшитись тими ангелами. Божь то
были краини и добри дѣти. —

Разъ къ недѣлю пѣдъ вечерь, коли
ткачь съ женою и дѣтьми любимыми
сѣлъ до вечерѣ, сближалъ са къ его ха-
тѣ якійсь незнаемый. На нѣмъ красна
кѣртка, чоботы пасови и крѣглая шап-
ка съ кляпцями баранковыми по надъ
оуши. Бѣдныи ткачь черезъ ѡкно ще въ
дали потерѣгъ го, гадалъ, що несе ро-
ботѣ, и тѣшилъ са, що козможе за-
рокити на хлѣбъ для дѣтій. Незнаемый
входитъ до хаты и каже: „Слава Исусѣ
Христѣ!“ „И во вѣки аминь!“ отповѣлъ
ткачь. „А що поклите? свате!“ запы-
талъ ткачь.

„Дардѣте,“ ѡтповѣлъ незнаемый,
„що трѣждъ васъ такъ пѣзно; до лиха!
Зблданяемъ зъ дороги и блѣждъ по лѣ-
стѣ — блѣдѣте свате такъ добри — на-
проводаѣте ма на дорогѣ, а я вамъ за-

плачѸ за тоє.” ДобрадѸшний ткачѸ кѸталѸ зѸ стѸльца, на котрѸмѸ сѸдѸль, одѸль опанчѸ и повѸль чѸжимца. ЧерезѸ дорогѸ розправляли о розличнѸмѸ; чѸжимецѸ гречнымѸ быти оказывалѸ са и достойнымѸ, щокы мѸ докѸрати. Коли на остатокѸ добре потемнѸло, незнаемый трѸхи затрималѸ са, добылѸ рѸжка зѸ запазѸхи и затрѸвилѸ такѸ переразительно, що бѸдномѸ ткачевѸ ажѸ морозѸ пѸйшолѸ по тѸлѸ. —

Тон самон хвильки выскочило зѸ близкихѸ корчѸвъ до 10 страшныхѸ хлопѸпѸвъ, и стали змоклати са съ тиль незнаемымѸ, котрый былѸ нѸхѸ предводителемѸ, ажѸбы на млинѸ напастѸ, котрый былѸ въ лѸсѸ далеко Ѹтъ гостинца. Предводитель бѸдного ткача новымѸ товаришемѸ ниль представилѸ. Нещастный оупалѸ мѸ до нѸгѸ и просилѸ о милѸсть, но тотѸ наставилѸ мѸ пѸстола до грѸдѸй и сказалѸ съ сѸрдомѸ: „Или пѸй-

дешь съ нами или оумрешь ѿтъ кѣлѣ!"
 Потомѣ взяли го два резвѣйники за
 бярки межи себе и повели съ собою.
 Коло пѣлночи сближилися до млина и поста-
 вили ткача съ еднымъ резвѣйникомъ на
 стражи, самыи же выкѣжили дѣри и по-
 клазили въ серединѣ.

Мельникъ съ челядїю нарѣбилъ кри-
 кѣ, а понежи оуже въ кѣлькохъ мѣст-
 цахъ резвѣи показали сѣ были, зяострен-
 но приписы осторожности и вымыано цо
 нѣчь ѿтрады войска до лѣтѣкъ на чаты.
 Такъ и въ тѣмъ лѣтѣ стоала горѣтъ
 сильныхъ хлопцѣвъ. На тотъ крикъ по-
 спѣшили, обѣкочили млинъ, показали
 резвѣйникѣвъ съ ихъ начальникомъ а ме-
 жи ними и ткача невинного и ѿтрезли
 ихъ до казнѣ.—

Ткачека ждала неспокоѣйна и съ не-
 терпеливостїю, коли мѣжь поверне, а понежи
 не могла дѣждати го сѣ до рана, обѣ-

Аль ю жкійсь страхъ непонятный, кый-
шла на подкѣрье и стала заводити. На то
погѣгали са сорѣды, а жкъ имъ роз-
повѣла, що не было мѣжа, поѣшли въ
лѣсъ и гладали, но дармо. Сидтокъ для
ткачевон. Допера поѣвъ вечеръ розвела са
вѣсть по селѣ, що въ ноци розкѣйники
на млинъ напали, а съ ними былъ ткачъ,
и ихъ съемленно тай ѡтвезенно до ка-
знѣ, где ихъ смерть жае за розкѣй.

Невѣста чимъ борше завела скон дѣ-
ти до сорѣды, а сама погѣгла шо тхѣ
до города, въ котрѣмъ ей мѣжъ сѣдѣлъ
оувазненный. Поѣшла до сѣдѣн, розповѣ-
ла мѣ всѣ, жкъ оумѣла, и просила цѣлѣ-
ючи го по ногамъ, шобы малъ милосер-
дѣе надъ ей вѣднымъ человекомъ. Но
сѣдѣа, хотя сожалѣлъ надъ немъ, не мѣгъ
ничъ помочи ѣй: — тѣлько ѣй призво-
лилъ кидѣтись съ человекомъ. И жкоеж
то зѣвище въ темници? Падае едно
дрѣгомѣ въ объатѣа, цѣлѣють са вза-

и мно и плачѣтъ ; возносаѣтъ рѣки къ не-
 вѣд ; ожаляють са передъ вѣвѣдцимъ
 Богомъ, справедливымъ судією, котрый
 самъ омити не може. Потомѣ обер-
 нѣла са ткачъ къ женѣ и прогнѣ, щобы
 оупокоила са здаючи на Бога, котрый не
 опѣкае справедливого. Но не долго могли
 оставати съ собою ; за хвилькѣ появилъ
 са гайдкѣ и розлѣчилъ ихъ. Теперь не-
 вѣста заводила, ажъ сердце пѣкало ; ви-
 дачи однако, що то ничъ не поможе, вер-
 нѣла до мѣвъ до своихъ дѣточокъ оупо-
 каючи на Бога, котрый боронитъ невин-
 нѣсть. Розбѣи въ кѣлькохъ мѣстцахъ
 поновлали са : Для того тѣ правительство
 споводованнымъ быти видѣло са за-
 стрити приписы осторожности. А понежи
 въ такихъ обстоятельствохъ и ткача за-
 стали межѣ розбѣйниками, повиненъ былъ
 кары смерти. Но що было найгѣршимъ :
 самъ предводитель толпы розбѣйникѣвъ
 оговорилъ са съ ними, щобы нагавали
 на тоѣ, щобы и ткача повѣшенно на ши-

бѣниці. Про тоє то говорили при стазанію
однаково. Іакъ поставленно предводителя
передъ сѣдъ, говорили, що ткачъ това-
ришилъ имъ оуже кôлька разôвъ и на
кôлькохъ мѣстцѣхъ. И прочіи розбôйники
признавали то само.

Коли на законченіе вѣхъ покликано,
щобы говорили си до очій, а нещастли-
вый ткачъ извинялъ са, розбôйники оу-
мѣли такъ оудати, що ткачъ рôвно имъ
былъ виноватымъ; що бôльше, такой
мѣ въ очи говорили: „Не боишь же са
Богя лгати передъ правомъ?“ Такъ ткаче-
ви ничъ ни лишилось, якъ здати са на волю
Божу: бо никто зъ людій не мôгъ обо-
ронити го. Сплакавъ заломѣючи рѣки:
„Ахъ! дѣтижь мои! дѣти! Ктôжь еде
о васъ старатись?“ Но то ничъ не по-
магало. Сѣдїи перемотривши вѣ, що об-
виненни говорили при стазанію, рѣшили
холоднымъ сердцемъ такъ, що на самыи

передъ малъ ткачъ быти повѣшенъ а потомъ прочіи розбѣдники. Предложено царю, и подписалъ каръ смерти.

Прочитано виновникамъ, и за три дни должны были висѣти на шибеницахъ. Всѣ жаловали ткача, бо былъ невинный. Отецъ духовный села, до котораго ткачъ писалъ са, дождавши са о такомъ несчастіи, поспѣшилъ до него и потѣшалъ го въ смѣткѣ и горести спасительною надкою сватой вѣры. „Идешь” рѣкъ священникъ, „неповинно зъ того свѣта: но знай, що Богъ справедливый всѣ кѣдае; емъ помоли са, а прочое въ рѣкахъ его спочивае.” Ткачъ здавъ са на волю Бога.

Его жена заводила зломѣючи рѣки, а на другій день побѣгла, що тхѣ, къ городъ прогачи оувердно, чтобы ю пѣщенно до царницѣ. Случайно оповѣдано въ царской палатѣ къ часѣ обѣда повидаѣнкѣ о челоуѣцѣ, котораго оудажено не.

виннымъ; то навело такожь вѣсѣдѣ о ткачѣ, котрый сѣдѣлъ въ казни. О томъ такожь въ дворѣ вѣсть рознесла са и царь самъ сталъ размышлати. — Невѣстѣ пдценно. Ей прѣятное лице и розпѣка такъ царицю трондли, що розплаклася надъ нещастною. Закала ю и до своего мѣжа — до цара — и тотъ проглезилъ са и рѣкъ до неѣ: „Не плачь невѣсто, твоѣй человекъ не сгине.“ И подіали тоть часъ человекъ съ письмомъ до сѣдѣкъ, „щобы освободили ткача невинного.“ То дѣлао са подъ вечерь, а дрѣгого дня рано мали вѣшати о девятѣ тѣй годинѣ.

Царица погостила невѣстѣ, и та ѡтъишла съ оутѣхою зъ палаты царскон даждючи Госпедѣ Богѣ за такое чѣдо. Въ дорозѣ знемогла на силахъ и оутѣла на морозѣ, гдѣ ю обнала сонъ солодкій; спала до дня вѣлѣсѣньского и ажъ коло двѣятѣи зайшла ни мѣстце. Го-

нець же, котрый спѣшилъ съ письмомъ
царя, оупалъ съ коня и звѣхнулъ сино-
гдъ, такъ що не заджалъ даякъ. — На
цѣпке слычило са то недалеко почты.
Крикнулъ шо силы: „Кто вѣрде къ Бога,
най поможє нещастномѣ.“ Той гологъ ѡт-
внилъ са силно на дворѣ почтовомѣ. По-
выбѣгали, дивлатъ, а по дорозѣ челоуѣкъ
рачкѣ. Поспѣшили и ѡнъ передалъ пись-
мо. Тотъ часъ сѣлъ парѡбокъ на коня
и чкаловалъ, якъ конь мѡгъ стагнѣти.
Гонецъ спѡзнилъ са. Вдарила де-
вата и дано знакъ, шовы катъ спол-
нилъ карѣ смерти. Ткачєви ажъ морозъ
пѡйшолъ по тѣлѣ, стисло го за сердце,
и ледка мѡгъ выречи: „О, Боже!“ Вы-
вели го зъ казнѣ и стѣпає омѣваю-
щими ногами въ сопроводѣ священника,
котрый на смерть приготавливалъ го: за
нимъ предводитель толпы розбѡйничои а
далѣ прочїи розбѡйники. Зъ всѣхъ сторонъ
окрѣжило ихъ войско въ рѣкахъ съ набитыми

оружіємъ; къ дали по задѣ множество народа городского и селъ окрестныхъ. Въ оупованіємъ на Бога молилъ са съ священникомъ, а предводитель розбѣйникѣвъ позиралъ цѣкаво на него, ажъ зайшли подѣ шибеницю. Поддающисъ сдѣбѣ ткачъ спокойно приготовлялъ са на смерть неславнѣ.

Радями розстакило са войско, народъ поиднѣлъ са въ тилъ, катъ ино на знакъ ждае, ажъ тѣ ненадѣбно чвалѣе гонецъ держачи високо въ рѣцѣ бѣлѣю хѣсткѣ; пригнавши дае письмо. Катъ роздѣръ и читае на гологъ: „Милѣсть для ткача! Царь освободилъ го: онъ не виненъ!“ Теперь загальна оутѣха — всѣ оурадовали са, бо знали, що ткачъ невиненъ. —

Громовою стрѣлою поразили тѣн слова начальника розбѣйникѣвъ; роззавилъ ротъ и столъ столпомъ вытрѣшивши

очи; зиркнѣлъ на ткача и на собранный народъ и снова въ мыслахъ затопилъ са. Вѣкъ смотратъ, що то едѣ, онъ протѣе са и проситъ катя, шобы мѣ призволилъ промовити до народа. Катъ призволилъ. Тогда онъ выстѣпилъ на мѣстцѣ возвишенное и началъ такъ говорити:

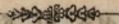
„Честныи зрѣтелѣ! Хвила, а оуже не дивлатъ са на васъ мои грѣшныи очи; для мене бѣе година и идѣ заглаженно на мѣстцѣ справедливой кары; для мене не ма оуже надѣи; солнце скрываетъ свои золотыи лѣчи передъ грѣшникомъ и мѣгачъ не хоче бѣльше дивити са на того, котрый сгладилъ не еднѣ дѣшѣ. Но вы щастливи, для васъ ще вѣе спрѣе. До васъ про тое свертая мою бѣдѣ и прошѣ послѣхати.”

„Иа малъ богатыхъ родичей, котрыи ма любилы, но любовь таа не была правды. Родичи ма не карали, а бѣтѣлъ;

не учили ма по̀знати Бога, и до те-
перь не зналъ го; не научили молитвы,
и не молилъемь са; не приклонили къ
погибшности, и ни не слухаедемь ихъ.
Добре годованный хлѣбомъ вырѣсьемь —
какъ той дѣвѣ — силенъ, и не воспита-
ный въ доврѣомъ, какійже конецъ маю?
Шибеница то конецъ сына недоброго!
Для того то вы зрѣтель, котрыи ма-
ете дѣти дома, оутѣтъ са зъ мене, и
не давайте имъ потѣхи! Бо горе ро-
дичамъ, котрыи вѣльше дѣаютъ о скотъ
домовый, какъ о рѣднн дѣти!”

Какъ пересталъ говорити, закинулъ
мѣ катъ стричокъ на шію, тай по нѣмъ.
Такъ скончали и прочіи розбѣйники.

Честный же ткачъ повернулъ съ не-
зреченною оутѣхою до своей родины, жилъ
спокойно воспитѣючи въ болзни Бога
свои дѣти. —

ДОБРЫЙ ЦАРЬ.

Въ едномѣ краю жилъ мудрый царь, котораго доброта розпростерала ся на всѣ версткы народа. Хотѣли поправити долю своихъ подданныхъ и вѣкъ помочь и до наилучшон крѣпѣ вѣднаго селанина, вѣриль бо, що былъ царемъ для того, шо бы оущаствилъ всѣхъ своихъ подданныхъ. —

И вѣриль добре: бо какъ вѣриль, такъ и дѣлалъ. И не доволаалъ ся лишь тилъ, шо дѣлалъ добре; но промышлялъ день и ночь надъ тилъ, чи бы не можь лѣше, и обмыслилъ прекрасное дѣло. Написалъ законы для своихъ подданныхъ. Не были то въ истѣ цѣлкомъ новыи законы, но самыи мудри наставленія *) оцѣбскѣи, какъ должно жити и дѣлати, шо бы оущаствилити себе самого и своихъ ближнихъ. И обвѣщенно ихъ по цѣломъ краю и всюды настала великая радѣсть.

*) побченіа, наски.

Народъ пональ то скоро, що царь мы-
слиль о нѣмъ добре даючи мѡ такъ мѡ-
дрыи законы, и постановиль въ знакъ
вдѣчности праздновати шо годѡ еденъ
день въ честь царѡ. Царь тимъ оура-
довалъ сѡ, не въ той мысли, якогы
любиль слыхати, шо го хвалили и про-
славляли, но дѣляючи, шо той празд-
никъ послѣжитъ поѡдданнымъ къ добро.
Гадаль бо, шо свѣтлыи день той ѡт-
сѣвѣжеть си въ памяти шо годѡ его
постановленїѡ и вѣдѣтъ зъ вдѣчности и
любви къ немѡ тимъ ревнѣйше испол-
нати его законы, а тогда паде тѡ и
тамъ на нивѡ обильно доброе зерно и
принесе плодъ многїи.

Такъ царь мыслиль, но жнива не
такъ выпали, якъ сѣвѣчь желаль си, бо
доброго пола было за мало. Правда ти-
снѣли сѡ изъ вѣхъ сторонъ его дер-
жакы громадами поѡдданныи до присто-
ла царского; каждый нѣкъ полно кадила

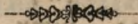
и палилъ надъ престоломъ; каждого оу-
ста были полни похвалъ для цара; но
никто не исполнялъ его законѣвъ, лишъ
ихъ вѣкъ доптали ногами. Видачи то
правники зачали розкрати законы и
найшли въ нихъ много такого, чого не
похвалили. Хотѣли гдѣщо исправити. И за-
чали свирити са межн собою о бѣквы и
змыслъ гдѣкотрыхъ слѣвъ для нихъ тем-
ныхъ, котрын своими дополненіями изъ-
яснительными ще темнѣйшими сдѣлали.
Для того то подѣлили са на сторон-
ництва и ненавидѣли и прослѣдокали
са межн собою такъ, що сѣмно было
смотреть на тоѣ.

Но они говорили, що то дѣлають
зъ любви и привязанности къ царю ско-
мѣ. Довѣдавши са о томъ царь роз-
гнѣвалъ са и рѣкъ: „Лицемеры! для
чого кличете ма Господомъ и Отцемъ,
естли розвоюете сердца дѣтій моихъ
и прослѣдуете са межн собою? Чижь

не знаете, що лишъ тотъ исполнае мои
 законы, кто любитъ ближнѣго своего? —
 Какъ може любити отца, кто ненавидитъ
 своего брата? О идкавыи люди! Вы ска-
 ритея о бѣквы и слова, а то що естъ
 тажкимъ въ законѣ-дѣлати и исполна-
 ти-залишаете. Щожь вамъ помогѣтъ
 добрыи законы, ежели не храните ихъ?
 И щожь ми зъ вашихъ похвалъ, ежели
 не творите моеи волѣ и мои добрыи за-
 коны допчете ногами? — Прочь зъ мо-
 ихъ очей, кто лишъ оутами хвалить
 ма, а дѣлъ добрыхъ не мае!" —

Щожь ми то поможе, що Христа исповѣдаю,
 Ежели я не жию, якъ Христось приказалъ;
 Сли набожности, правды, вѣры въ сердци не маю;
 Если я ногами его святѣсть подопталъ;
 Ежели я того, до чого мене Богъ призвалъ,
 Не в достойнымъ и точно не исполняю
 И его, що мене въ сына святымъ крестомъ приялъ,
 Лишь словы, далекъ ѳтъ дѣлъ добрыхъ-прославляю?

СОДЕРЖАНІЕ. на сторонѣ

1	Богомолецъ	5
2	Свѣщенникъ и слѣжитель	7
3	Ижъ научилъ са Богачъ молитвы	9
4	Соломонъ	13
5	Зхъ	15
6	Діогенъ и Антістенъ	22
7	Сердечная подака	24
8	Добродѣтели	26
9	Благоговѣньство Христа	37
10	Клеантъ	40
11	Жидъ и Христіанинъ	42
12	Приноситъ ли намъ польза, ижъ слѣхаетъ частѣй . . . . . ше слова Божого :	45
13	Сирота	48
14	Входъ первыхъ Христіанъ въ церковь	58
15	Ижъ справокали са давнымъ Христіане въ церквѣ	62
16	Крестъ свѣтый	64
17	Сапоги	70
18	Молодой Евклидъ	82
19	Добромысль, Трѣдолюбеъ и Пирокниъ	84
20	Ѣантъ и Безопъ	99
21	Шо есть наилучшое	101
22	Надгорода честности	105
23	Бонъ и смерть	114
24	Мельникъ, сынъ и оселъ	116
25	Звѣтъны смерти	119
26	Богъ коронитъ невинность	124
27	Добрыи царь	137

Исправленіе важнѣйшихъ недомотрѣвъ и ошибокъ
 типографическихкихъ.

на стр.	бъ ст.	бъ ст.	гор.	мѣс.	ничого чит.	ничого
9	5	„	„	„	кисералии	ч. кисералии
13	16	„	„	„	скиталъса	ч. скиталъса
17	6	„	„	„	спѣмненіе	ч. спѣмненіе
25	18	„	„	„	выстаги	ч. выстиги
30	13	„	„	„	река	ч. река
34	5	„	„	„	щедрѣсть	ч. щаднѣсть
44	6	„	„	„	христѣанскіи	ч. христѣанскіи
67	9	„	„	„	кричала	ч. кричали
74	„	„	„	„	затѣ	ч. закн
78	12	„	„	„	вода	ч. водовода
82	„	„	„	„	приваэриноэть	читай
93	7	„	„	„	рада	ч. рода
99	12	„	„	„	побажли	ч. побажали
103	11	„	„	„	бадѣ	ч. бадѣ
103	16	„	„	„	госпоподниэ	ч. господниэ

K
504